
ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

От Издательства

Некогда Бенджамин Франклин составил план морального совершенствования и определил для себя 13 пунктов, соблюдение которых должно помочь достичь этого совершенства. Следуя примеру великого американца, назовем свои 13 пунктов, тринадцать «добродетелей», делающих «Автобиографию» Франклина и другие его произведения «морально совершенными» и чрезвычайно интересными для читателя. Итак:

1) Честность — абсолютная и во всем.

2) Откровенность. Франклин не раз говорит, что совершил ту или иную ошибку в жизни, не собираясь ничего утаивать от читателя.

3) Преданность идеалам. Франклин не догматичен, он видит, что мир меняется, и сам меняется вместе с ним. Но одну «догму» он соблюдал всю свою жизнь — преданность общечеловеческим ценностям и правам.

4) Писательский талант. Литературные достоинства произведений Бенджамина Франклина — несомненны. А некоторые особенности стиля, присущие для XVIII века, их только подчеркивают.

5) Остроумие. Бенджамин Франклин обладал прекрасным чувством юмора, и в его произведениях оно представлено в широчайшем спектре — от легких добродушных шуток до жесткой политической сатиры.

Вполне логично, что за остроумием следует:

6) Ироничность. И это тоже немалое достоинство, особенно если человек умеет иронизировать не только над другими, но и над собой.

7) Милосердие. У Франклина было немало недоброжелателей. Таковых он мог высмеять, показать их недалекость, однако при этом у него нет злости, желания растоптать человека, кто бы он ни был.

8) Широта кругозора и познаний. Неоспоримое достоинство личности Франклина, которое передалось и его произведениям.

9) Доступность. В сочинениях Франклина нет заумности, нет какой-то «великой философии», от того они ясны и понятны всем.

10) Логичность. Блестящая логика — одна из самых выдающихся черт Бенджамина Франклина. Это отразилось и в его трудах.

11) Исторический фон. Франклин жил в великую эпоху, и он был не просто соучастником — он сам творил великие события и дела.

12) Смелость. Бенджамин Франклин был смелым человеком и говорил и писал то, что думал, не боясь быть непонятым.

И наконец последнее:

13) Отсутствие назидательности. Жизнь Бенджамина Франклина — пример для подражания. Но она, равно как и его произведения, — не руководство к действию, не «инструкция по эксплуатации». Великий американец не назидает, он только советует. А уж следовать его советам — решать, уважаемый читатель, вам...

СОДЕРЖАНИЕ

«СЕГОДНЯ ДОРОЖЕ ВСЕХ ЗАВТРА...»
СЛОВО О ФРАНКЛИНЕ

18

АВТОБИОГРАФИЯ БЕНДЖАМИНА ФРАНКЛИНА

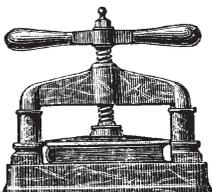
1706—1757

I. МОИ ПРЕДКИ И ДЕТСТВО В БОСТОНЕ

35

Говоря о благодарении Господу, я смиреннейше желаю восславить Его за то, что всюю своею упомянутою счастливостью я обязан Его благому провидению, которое дало мне в руки те средства, что я использовал, и принесло успех.

II. Я СТАНОВЛЮСЬ ПЕЧАТНИКОМ

45

Эта склонность к книгам со временем побудила моего отца к решению сделать меня печатником, несмотря даже на то, что один его сын уже овладел этой профессией.

III. ПРИБЫТИЕ В ФИЛАДЕЛЬФИЮ

57

Я описал свое путешествие и продолжаю рассказывать о первых порах в Филадельфии столь подробно, чтобы читатель мог сравнить малообещающее начало с моей дальнейшей судьбой в этом городе.

IV. ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В БОСТОН

В конце апреля 1724 года небольшое судно должно было отправиться в Бостон. Я отпросился у Каймера, сказав, что хочу повидать своих друзей. Губернатор дал мне пространное письмо к моему отцу, чрезвычайно лестное по отношению ко мне, в котором рекомендовал открыть мое дело в Филадельфии, ибо это будет наилучшее обустройство моей судьбы.

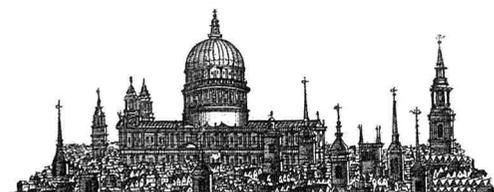
64

V. МОИ ПЕРВЫЕ ДРУЗЬЯ В ФИЛАДЕЛФИИ

72

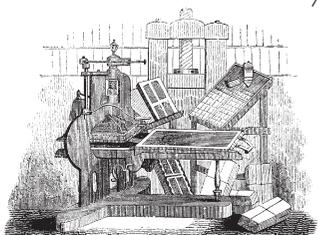
В это время я ухаживал за мисс Рид. Я испытывал к ней привязанность и уважение и имел некоторые основания полагать, что она испытывает соответствующие чувства ко мне...

VI. ПЕРВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ЛОНДОНА

Итак, я провел в Лондоне восемнадцать месяцев, большую часть этого времени трудился не покладая рук и не тратил на себя много, за исключением разве что посещения театральных представлений и покупки книг.

76

VII. Я ОБЗАВОЖУСЬ СОБСТВЕННЫМ ДЕЛОМ В ФИЛАДЕЛФИИ

90

Первые номера нашей газеты отличались от всего, что бывало в нашей провинции прежде: у нас были лучшие и шрифт и печать. А когда я опубликовал свою заметку, довольно пыльную, о конфликте, происходившем тогда между губернатором Бернетом и Ассамблеей провинции Массачусетс, это произвело впечатление на влиятельных граждан города, о газете и ее владельце заговорили, и спустя несколько недель все эти люди стали нашими подписчиками.

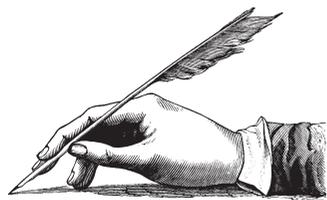

VIII. ДЕЛОВОЙ УСПЕХ И ПЕРВАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Именно тогда я начал свой первый проект общественного свойства — подписную библиотеку... Впоследствии, получив патент, мы увеличили наше общество до ста человек, положив начало первой в Северной Америке из столь многочисленных ныне подписных библиотек. Они стали сами по себе замечательным явлением и их становится все больше.

107

IX. ПЛАН ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ НРАВСТВЕННОГО СОВЕРШЕНСТВА

125

Приблизительно в это же время я затеял смелое и трудное предприятие — добиться морального совершенства. Я вознамерился жить не совершая никаких ошибок никогда, преодолеть все, к чему естественная склонность, обычаи или общество могли бы меня побудить.

X. «АЛЬМАНАХ БЕДНОГО РИЧАРДА» И ДРУГИЕ МЕРОПРИЯТИЯ

В 1732 году я впервые опубликовал, воспользовавшись псевдонимом Ричард Сондерс, свой «Альманах». Он издавался на протяжении двадцати пяти лет и был известен как «Альманах Бедного Ричарда». Я стремился сделать его одновременно занимательным и полезным, и он, соответственно, оказался столь востребованным, что принес значительную прибыль: ежегодно продавалось около десяти тысяч экземпляров.

139

XI. ИНТЕРЕС К ОБЩЕСТВЕННЫМ ДЕЛАМ

148

Мое предприятие теперь неуклонно росло, и положение мое с каждым днем улучшалось, газета приносила все больше прибыли, на некоторое время став едва ли не единственной в нашей и соседней провинциях. Я убедился также в истинности наблюдения, согласно которому, «получив первую сотню фунтов, легче добыть вторую», ибо деньги плодотворны по своей природе.

XII. ОБОРОНА ПРОВИНЦИИ

У меня, в целом, были все причины удовлетвориться жизнью в Пенсильвании. Две вещи, однако, огорчали меня: отсутствие обеспечения для самообороны и для всестороннего образования молодежи, — здесь не было ни милиции, ни колледжа.

155

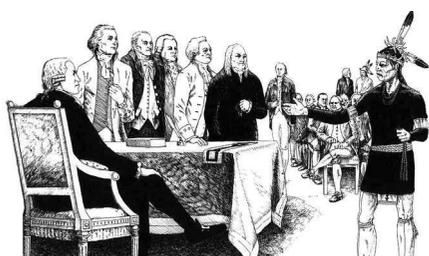
XIII. ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА И ОБЯЗАННОСТИ (1749—1753)

168

В 1751 году д-р Томас Бонд, мой близкий друг, замыслил основать в Филадельфии больницу... Со временем он явился ко мне с похвалами: как он выяснил, без моего участия заниматься общественно полезным делом невозможно.

«Ибо,— сказал он,— те, к кому я обращаюсь за пожертвованием, часто спрашивают меня: “А вы советовались с Франклином об этом деле? А что он об этом думает?”

И когда я признаюсь им, что не советовался (полагая, будто это не по вашей части), они не жертвуют, но говорят, что еще подумают».

XIV. ГЕНЕРАЛЬНАЯ КОНВЕНЦИЯ В ОЛБАНИ

184

В середине июня мы встретились с остальными уполномоченными в Олбани. По дороге туда я разработал и записал план объединения всех колоний под единым управлением, насколько это было необходимо для обороны и прочих важных общих целей.

XV. СПОРЫ С ВЛАДЕЛЬЦАМИ

187

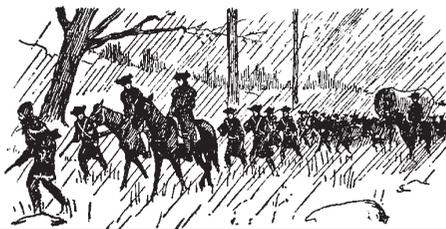
Глубинной причиной этих публичных раздоров были землевладельцы, наши наследственные правители, которые, когда от них требовались какие-нибудь издержки на оборону провинции, с необыкновенной подлостью давали своим депутатам указание не проводить ни одного акта за введение соответствующих налогов, если только их обширные владения из действия этого акта не исключались совершенно точно...

XVI. ЭКСПЕДИЦИЯ БРЭДДОКА

192

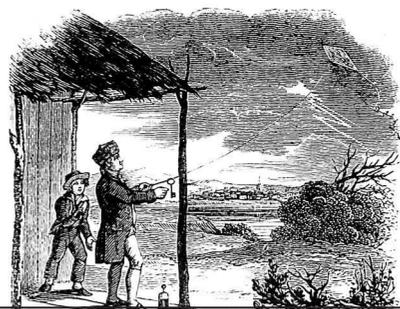
Один из адъютантов генерала, капитан Орм, будучи тяжело раненным, был спасен вместе с Брэддоком и оставался с ним до самой смерти генерала, случившейся через несколько дней; позже капитан рассказал мне, что Брэддок промолчал весь первый день и ночью лишь произнес: «Кто бы мог подумать?». Весь следующий день генерал также провел в молчании, промолвив наконец: «В следующий раз мы будем лучше знать, как иметь с ними дело», и умер спустя несколько минут.

XVII. ОБОРОНА ФРОНТИРА

204

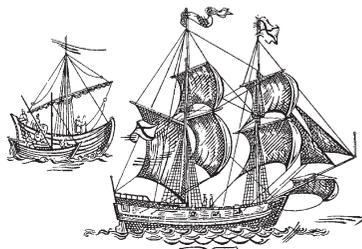
Пока в городе и в сельской местности создавались и проходили обучение несколько батальонов, губернатор убедил меня заняться обороной фронта на северо-западе — там находились значительные силы противника, — чтобы обеспечить защиту населения; нужно было набрать солдат и построить линию из фортов.

XVIII. НАУЧНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

211

Всеобщую известность моей книге внезапно принес успех одного из предложенных в ней опытов, воспроизведенных мсье Далибаром и мсье Делором в Марли, а именно по извлечению молнии из облаков. Этот опыт повсюду вызвал внимание публики. Мсье Делор, у которого был аппарат для экспериментальной философии, читал лекции из этого раздела науки и попытался воспроизвести то, что он назвал «филадельфийскими опытами». После того как они были представлены перед королем и двором, любопытные парижане хлынули толпой на это зрелище.

XIX. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПЕНСИЛЬВАНИИ В ЛОНДОНЕ

218

Мы с сыном немедленно отправились в Лондон, лишь ненадолго задержавшись, чтобы посмотреть Стоунхендж, что на равнине Солсбери, а также дом лорда Пемброка и сад, с их прелюбопытнейшими древностями, в Уилтоне. В Лондон мы прибыли 27 июля 1757 года.

Сочинения

ТРАКТАТ О СВОБОДЕ И НЕОБХОДИМОСТИ, УДОВОЛЬСТВИИ И СТРАДАНИИ

Сэр! Здесь по вашей просьбе я излагаю мои соображения о положении вещей в целом во Вселенной на настоящий момент.

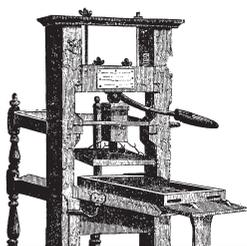
235

ДОГМАТЫ ВЕРЫ И ДЕЛА РЕЛИГИИ

249

За все твои бесчисленные благодеяния, за жизнь, за разум и за дар речи, за здоровье, и за радость, и за каждый проведенный с пользой час,— мой добрый Бог, я благодарю Тебя!

АПОЛОГИЯ ПЕЧАТНИКОВ

Если бы все, кто в нашей провинции придерживался различных точек зрения, предлагали мне плату за то, чтобы я не печатал того, что им не нравится, как мне платят за то, чтобы я печатал то, что они хотят, то жизнь моя была бы чрезвычайно легкой; и если бы печатники повсюду заключали такие сделки, то очень мало было бы напечатано.

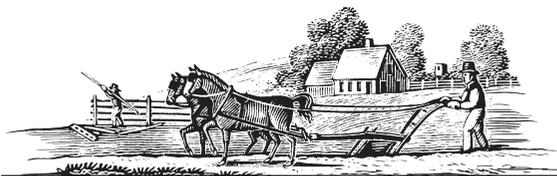
259

СОВЕТЫ ДЛЯ ТЕХ, КТО ХОЧЕТ БЫТЬ БОГАТЫМ

265

Преумножать деньги — это единственная выгода от того, чтобы ими обладать.

НАБЛЮДЕНИЯ КАСАТЕЛЬНО УМНОЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ И Т. Д.

Таким образом, земли в Америке оказалось настолько много и такой дешевой, что трудолюбивый человек, знающий толк в земледелии, имел возможность достаточно быстро накопить довольно денег и чтобы приобрести участок новой земли, достаточный для устройства плантации, за счет которой он сможет содержать семью и потому может безбоязненно жениться.

268

ПУТЬ К БОГАТСТВУ

276

Со временем я понял, что лучше всех меня оценит лишь народ, ибо он платит за мои сочинения и, кроме того, в моих путешествиях, бывая в местах, где меня никто не знал лично, я частенько слышал, как кто-нибудь повторял то или иное из моих изречений, добавляя в конце: «Как говорит об этом Бедный Ричард».

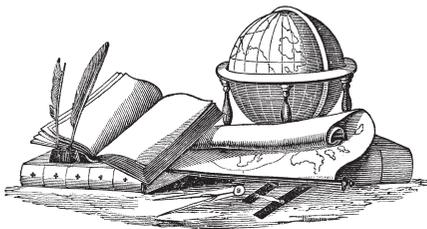
О БЕДНЫХ ТРУЖЕНИКАХ

Я не предлагаю себя в качестве адвоката угнетателей или угнетения.

286

Но я вижу, что в этих, сердитых на богачей, сочинениях много высказываний, порой взвинченных до бунтовщичества, приносящего немалые бедствия, за что многие могут поплатиться своими жизнями. Я хотел бы, чтобы истинное положение дел стало яснее...

КАК ВЕЛИКАЯ ИМПЕРИЯ МОЖЕТ ПРЕВРАТИТЬСЯ В МАЛЕНЬКОЕ ГОСУДАРСТВО

292

Прежде всего, джентльмены, вам надлежит понимать, что большая империя как большой пирог и потому проще всего ее уменьшить с краев. Обратите свое внимание в этой связи в первую очередь на самые удаленные провинции, ибо, как только вы их лишитесь, остальные по очереди последуют за ними.

ЭФЕМЕРА: ЭМБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Я прожил семь часов, немалый век, за который утекло не менее четырехсот двадцати минут времени. Сколь мало тех, кто живет так долго! Я видел, как рождались, расцветали и увядали поколения.

301

СВИСТОК

304

Одним словом, я полагаю, что немало бед происходит с человечеством из-за того, что люди выдвигают ложные предположения о ценности вещей и «тратят на свои свистки слишком много».

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ

«Прости нам наши прегрешения и позволь нам так же простить тех, кто нас обидел». Так, вместо того чтобы подразумевать, будто мы уже обрели Благодать Прощения, мы признаем свою зависимость от Бога, Источника Милосердия, в такой мере, в какой мы можем нуждаться в прощении, и просим нам его ниспослать.

307

ПРИЕМ

311

Не доверяй никому из правительства своего государства. Ибо если само Божество, будучи монархом, может временно послушаться клеветы и под ее влиянием погубить наилучшего из своих подданных, то каких бедствий нам ждать от подобной власти в руках простого человека, пусть и лучшего среди прочих людей...

ДИАЛОГ МЕЖДУ ФРАНКЛИНОМ И ПОДАГРОЙ

Ваши возвышенные обещания будут забыты, подобно форме прошлогодних облаков. Давайте покончим с нашим делом, и я уйду. Но я оставляю вас с обещанием посетить вас снова в надлежащее время в должном месте, ибо цель моя — ваше благо, и вы теперь прекрасно знаете, что я ваш настоящий друг.

314

ЭТИКА ШАХМАТ

320

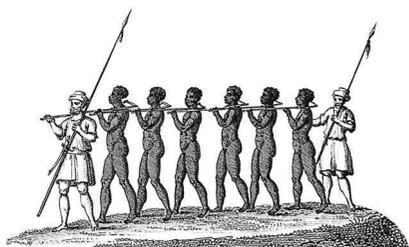
Игра в шахматы — не просто праздная забава. Несколько из очень важных качеств ума, полезных в жизни человека, этой игрою добываются и укрепляются настолько, что входят в привычку, которая пригодится в любой ситуации.

КРАСИВАЯ НОГА И УРОДЛИВАЯ НОГА

Но не изобретен еще инструмент, который распознавал бы с первого взгляда неприятные качества в людях, поэтому философ для этой цели пользовался своими ногами, одна из которых была замечательно красивая, а другая, после какого-то несчастного случая, была кривая и необыкновенно уродливая.

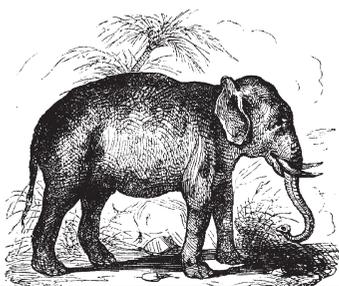
324

О РАБОТОТВОРЧЕСТВЕ

327

Когда вчера вечером я читал в вашей превосходной газете речь м-ра Джексона в Конгрессе против вмешательства в отношения рабства и против попыток улучшить положение рабов, мне вдруг вспомнилась другая, произнесенная около ста лет тому назад Сиди Мехметом Ибрагимом, членом алжирского Дивана, которую можно прочесть у Мартина в Консульском отчете за 1687 год.

АРАБСКАЯ СКАЗКА

Альбумазар, добрый волшебник, в старости удалился на вершину пустынной горы Калабут. Человеческого общества он избежал, зато джинны и духи высокого чина посещали его еженощно, ибо они любили его и занимали поучительной беседой. Однажды вечером к Альбумазару явился могучий Белубель.

332

ВЫСКАЗЫВАНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ (ИЗ ЧАСТНЫХ ПИСЕМ)

334

Что до меня, то, занимаясь служением другим, я не отношусь к этому как к совершению благодеяния, но, напротив, как к оплате долга.

ПРИЛОЖЕНИЕ

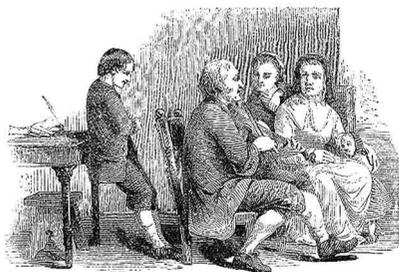
БЕНДЖАМИН ФРАНКЛИН. ЕГО ЖИЗНЬ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК Я. В. Абрамова

Несколько вступительных слов

345

Будучи обязан, как и многие другие выдающиеся американцы, своим высоким умственным развитием и общественным положением исключительно самому себе, своей честной, правдивой натуре, своему обширному уму и непоколебимой энергии, Франклин имел счастье оказать своей родине услуги, подобные которым удастся оказывать своему отечеству лишь немногим.

ГЛАВА I. ДЕТСТВО ФРАНКЛИНА

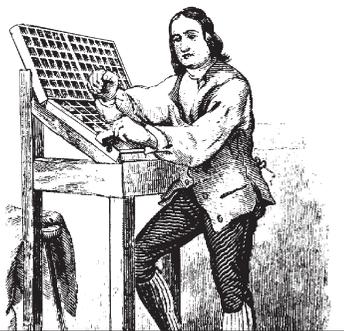
Происхождение Франклина.— Его семья.— Детские годы.— Школа.— Работа в типографии брата.— Первые литературные опыты.— Разрыв с братом и бегство.

347

ГЛАВА II. НАЧАЛО САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ ФРАНКЛИНА

360

Из Нью-Йорка в Филадельфию.— Прибытие в последнюю.— Работа в типографии.— Знакомство с губернатором Кейтом и коварство последнего.— Франклин в Лондоне.— Возвращение в Филадельфию.— Снова работа в типографии.— Основание собственной типографии.— Успехи Франклина в его предприятиях.— Его брак.

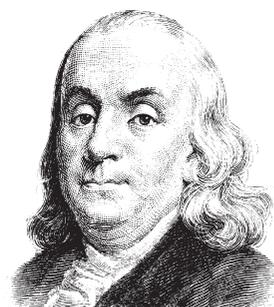

ГЛАВА III. Начало общественной деятельности Франклина

Религиозные и общественные воззрения Франклина. — Общественная деятельность. — «Хунта». — Франклин — публицист и журналист. — «Альманах Бедного Ричарда». — Первая библиотека. — «Общество пропаганды добродетели». — Франклин — секретарь провинциального собрания и директор почт в Филадельфии. — Организация ночных сторожей и противопожарное общество. — Франклин — член провинциального собрания. — Личные дела — имущественные и семейные.

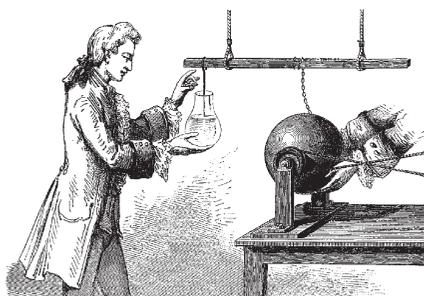
371

ГЛАВА IV. Франклин — крупный общественный деятель английских колоний в Америке

382

Организация защиты колоний от испанцев. — Устройство академии и госпиталя. — Переговоры с индейцами. — Генеральная конвенция в Олбани. — План федерации колоний. — Содействие войскам во время войны с Францией. — Франклин — комиссар обороны Пенсильвании. — Билль о милиции. — Устройство фортов. — Франклин — командир полка. — Раздор с губернатором Пенсильвании. — Франклин избирается представителем Пенсильвании в Лондоне.

ГЛАВА V. Франклин — ученый

Склонность Франклина к научным занятиям. — Его изобретательность. — Печка Франклина. — Доктор искусств. — Физический кабинет д-ра Спенса. — Занятия Франклина электричеством. — Первоначальная судьба его открытий. — Признание научных заслуг Франклина. — Сущность его открытий: теория одной электрической жидкости, признание тождества электрических явлений с явлениями молнии и грома, изобретение громоотвода.

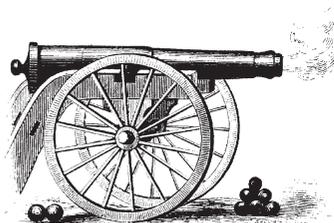
395

Глава VI. Франклин на мировой сцене (до объявления независимости Соединенных Штатов)

403

Франклин в Лондоне.— Отношение Англии к американским колониям.—
Положение Франклина в Лондоне.— Объяснения в Парламенте в 1766 году.—
Памфлет Франклина «Письма помещика обитателям британских колоний», сатира
«О прусском владычестве над Англией» и руководство «Как из великой империи сделать
малую».— Чайные пошлины и вызванные ими волнения в американских колониях.—
Подстрекательство Франклина из Лондона.— Письма Хатчисона.—
Допрос Франклина в Тайном совете.— Мысль Франклина о конгрессе.—
Передача прошений Конгресса и союз Франклина с Четэмом.—
Декларация о независимости американских колоний.

Глава VII. Франклин на мировой сцене (после объявления независимости Соединенных Штатов)

Продолжение борьбы с англичанами и неудачи.—
Франклин — член отделения Конгресса по иностранным делам.—
Он рекомендует Косцюшко.— Франклин в Париже и союз
с Францией.— Перипетии войны.— Конституционная работа.—
План конфедерации и рассказ об Ионе.—
Франклин и конституции штатов.—
Франклин ведет переговоры о мире и заключает его.

424

Глава VIII. Последние годы Франклина

432

Перевод американских конституций.— Книга Франклина для переселенцев.—
Франклин — член Конвента.— Участие Франклина в выработке конституции
Соединенных Штатов.— Франклин — противник каперства.— Франклин —
основатель противоневольнического общества.— Смерть Франклина.

Основные события жизни Бенджамина Франклина

440

«СЕГОДНЯ ДОРОЖЕ ВСЕХ ЗАВТРА...»
СЛОВО О ФРАНКЛИНЕ

«**В**ремя — деньги», «Три переезда равны одному пожару», «Сегодня дороже всех завтра», «Есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть» — мы так привыкли к этим фразам, что мало кто задумывается об их авторстве. Равно как при грозе мы не вспоминаем о том, кто подарил человечеству идею громоотвода — изобретения, спасшего за время своего существования неисчислимое количество жизней. А про кресло-качалку вообще не задумываемся, кажется, что эта удобная вещь существовала с начала времен.

Многие полагают, что человек, образ которого запечатлен на стодолларовой купюре (в разговорном английском она так и именуется — «Бенджамин»), некогда занимал президентское кресло в Белом доме. Это искреннее заблуждение, характерное в том числе для людей с вполне достойным уровнем образования, даже породило шутку: «Бенджамин Франклин — единственный и лучший президент Соединенных Штатов, который им никогда не был». Шутку, в которой, как и положено, присутствует только доля шутки. Правда же заключается в том, что этот человек сделал для своей страны и для всего человечества на порядок больше, чем многие президенты, цари, короли и иные правители.

Франклин интересен еще и тем, что в нем удивительным образом сочетались, казалось бы, не сочетаемые вещи. С одной стороны, типично американские прагматизм и целеустремленность. Он четко планирует свою жизнь, искореняет недостатки, ведет дела, зарабатывает деньги, ставя перед собой задачу с помощью этих правил и денег заработать еще больше.

Франклину принадлежит одна из самых знаменитых в мире систем организации времени, как сейчас говорят, тайм-менеджмента: система четкая, простая и удивительно эффективная. А с другой, жизнь Бенджамина Франклина — это служение стране, обществу, цивилизации. Если это было нужно, он в любой момент готов был пожертвовать личным в пользу общественного, свои интересы не значили для него ничего, когда речь шла о благе общества и страны. Вот потому Франклин — совершенно уникальная личность, значение которой для развития человечества, его движения по пути прогресса просто невозможно переоценить.

* * *

Исторический фон в контексте появления на свет и формирования характера личности, которой судьбой уготовано было стать великой, — категория, безусловно, важнейшая. Бенджамин Франклин родился почти ровно век после того, как в 1607 году в Джеймстауне, в Вирджинии, было основано первое на территории современных Соединенных Штатов английское поселение. Еще через 23 года пуританами из Массачусетской колонии был основан Бостон — родной город Франклина.

До конца XVII века на территории Северной Америки образовалось тринадцать колоний: Вирджиния, Нью-Хэмпшир, Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, Делавэр, Мэриленд, Северная Каролина, Южная Каролина, Джорджия. Эти колонии представляли собой весьма пестрое «зрелище». Владели ими, с высочайшего позволения английской короны, торговые компании либо же частные лица. Очень разнообразным был национальный и религиозный состав колонистов: помимо английских пуритан, это были амиши, меннониты, данкеры и представители других религиозных течений. Выходцы из Германии и Нидерландов в основном заселяли Пенсильванию, французские гугеноты обосновались в Южной Каролине, в Делавэре селились шведы и поляки, а итальянцы предпочитали Вирджинию. Существенно различалось и экономическое развитие колоний.

Слово «колония», на первый взгляд, вызывает не самые приятные ассоциации. Но для европейцев, стремившихся в Северную Америку, стать колонистом означало обрести гораздо большую свободу, чем на родине. Это касалось и вероисповедания, и возможности заработать. Колонии стали прибежищем для представителей самых разнообразных конфессий и сект, «неуютно» чувствовавших себя в Европе. Истории о том, как кто-то прибывал на северо-

Феликс Октавиус Карр Дарли. Прибытие пилигримов в Америку в 1620 году.
Вторая половина XIX в.

Сэмюэл Джонсон. Портрет
Эбайи Фолджер Франклин.
1707 г.

американский континент с несколькими монетами в кармане и быстро зарабатывал состояние, были отнюдь не только легендами. В Новом Свете, люди получали в пользование огромные участки земли, о чем в Свете Старом они могли только мечтать. Да, приходилось много и тяжело работать, но если ты способен на это — тебя ждет успех, который зависит только от твоих способностей. Как говорил Франклин, «человек — кузнец своей судьбы».

В метрополии на североамериканские колонии поначалу обращали мало внимания — что называется, «пусть растет, как растет». Но затем, к концу XVII века, в действиях Лондона все больше начало проглядывать желание полностью контролировать заокеанские владения. Прежде всего это каса-

лось торговли: все промышленные товары, от пуговиц до пушек, колонии могли получать только из метрополии и только с нею же или при ее посредничестве могли вести торговлю. В самих же колониях все понималось с точностью до наоборот: талантливым и предприимчивым людям становилось тесно в рамках сырьевого придатка — а именно такая роль, и не больше, отводилась им Лондоном. Бурно развивалась строительство, судостроение, как следствие, американские промышленники получили возможность найти новые рынки сбыта для своей продукции, например в Вест-Индии. Колонии империи по-прежнему были разрознены и независимы друг от друга, однако постепенно связи между ними налаживались.

Одним из объединяющих факторов стало, среди прочего, развитие колониальной прессы. Именно в этой отрасли человеческой деятельности и нашел свое первое в жизни призвание Бенджамин Франклин. Впрочем, до этого ему пришлось пройти через немало трудностей, исканий и метаний.

* * *

Равные возможности означают равные возможности — но и только. Кому-то действительно удавалось быстро разбогатеть, однако Джозайя Франклин (1657—1745) к таковым не относился. В 1682 году он покинул Англию и вскоре обосновался в Бостоне, стал уважаемым членом общины, обзавелся собственной мастерской по производству мыла и свечей. Но скромные доходы с лихвой «компенсировались» большим количеством детей — их у Джозайи от двух браков родилось семнадцать.

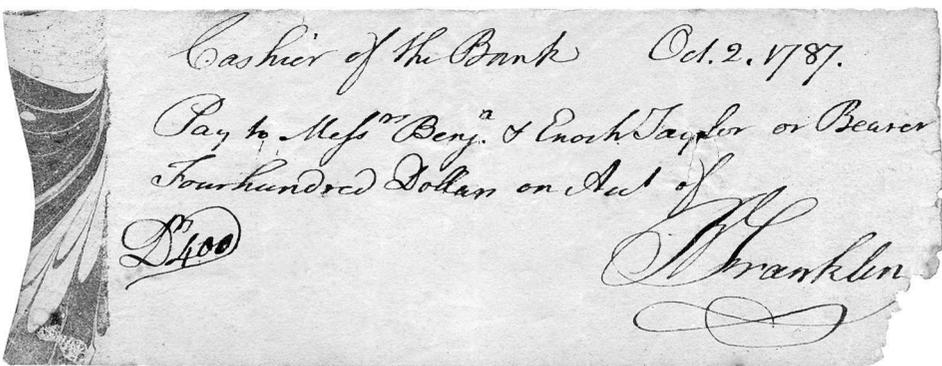
Джозайя искренне стремился дать своим детям приличное образование, однако возможности для этого у него были весьма ограничены. Для Бенджамина, одного из своих самых поздних отпрысков, отец прочил карьеру священника, для чего и отдал мальчика в Бостонскую латинскую школу. Но через год Джозайя уже не мог платить за обучение сына, поэтому Бенджамин отучился некоторое

время в более скромном учебном заведении, а затем и вовсе бросил учебу. Пока его удел — помогать отцу отливать свечи в мастерской.

Быть мыловаром и свечных дел мастером — такая перспектива юного Бенджамина совсем не устраивала. Отец не чтобы удерживал юношу, но предложить альтернативу не мог. И Бенджамин, несмотря на совсем юные годы (он начал работать в отцовской мастерской, когда ему было всего десять лет), начал искать ее сам. Вполне логично, что мальчик, выросший возле океана, хотел стать моряком, однако эти «поползновения» отец пресек на корню. Но когда Бенджамину исполнилось двенадцать, Джозайя все-таки пошел против своих правил. В семье не было принято, чтобы сыновья занимались одним и тем же ремеслом, однако старший брат Джеймс вернулся из Англии с типографским оборудованием и намерением открыть собственную типографию, и Бенджамин, с согласия отца, поступил к нему в ученики.

Печатное дело стало для Франклина трамплином к успеху, именно здесь он впервые проявил свои качества — и как деловой человек, и как писатель и философ. Мы не будем детально останавливаться на событиях первой половины жизни Бенджамина Франклина — они подробно описаны как в его «Автобиографии», так и в биографическом очерке Я. В. Абрамова «Бенджамин Франклин. Его жизнь, общественная и научная деятельность» (он в данном издании помещен в Приложении). А потому перенесемся примерно в начало 1730-х годов. К этому моменту Бенджамин еще молод, но уже успешен — в двадцать с небольшим лет он, перебравшись из Бостона в Филадельфию, уже успел открыть собственную типографию и газету. Но ему хочется большего, причем не только в бизнесе.

Сейчас, в эпоху «тотального пиара», это кажется банальным, но в свое время Франклин стал едва ли не первым, кто начал использовать средства массовой информации в политических и общественных целях. Более того, достижения на общественном поприще конвертировались в дополнительную прибыль в денежном выражении. Например, в свое время Бенджамин опубликовал «Скромное исследование о природе и необходимости бумажных денег». Несмотря на название это была вполне серьезная работа, в которой исследовалась природа собственности и обосновывалась идея увеличения массы бумажных денег в Пенсильвании и других колониях. Благодаря тому, что подписчиками его изданий были многие государственные чиновники, идея была вложена

Чек, подписанный Бенджамином Франклином. 1787 г.

Шарль Никола Кочин.
Портрет Бенджамина Франклина.
1777 г.

в «нужные» умы, а вскоре типография Франклина получила правительственный заказ на печать банкнот.

«Никогда не проси должности — но и не отказывайся от нее и не уходи добровольно», — таким было одно из правил жизни Бенджамина Франклина. Действительно, если, например, пост главного почтмейстера Филадельфии позволил ему не только наладить работу почтового ведомства, но и обеспечить быструю доставку собственных изданий, то почему бы этим не воспользоваться. Впрочем, о «злоупотреблении служебным положением» здесь не может быть и речи. Да, Бенджамин Франклин удовлетворял и свои деловые интересы, и собственное самолюбие, но при этом мало кто в истории — и не только в Соединенных Штатах, но и во всем мире — может сравниться с ним по вкладу в развитие идей и принципов гражданского общества.

Первая в Северной Америке публичная библиотека, Американское философское общество, Пенсильванский университет, первая в Америке добровольная пожарная команда, реформа почтовой системы и городского хозяйства — это далеко не полный список деяний, ставших реальностью благодаря Франклину. Кроме того, этот человек страстно любил шахматы (он даже считается первым «документально подтвержденным» шахматистом в Северной Америке) и неплохо играл на нескольких музыкальных инструментах — арфе, гитаре, скрипке. А еще Франклин занимался наукой, обогатив ее целым рядом открытий.

* * *

Изобретательный, острый ум, способность наблюдать и обобщать, широкий кругозор и знания, полученные благодаря кропотливому и упорному самообразованию, — было бы даже странно, если бы такой человек как Франклин остался в стороне от научного и технического прогресса. Он и не остался, хотя из-за занятости политическими и общественными делами посвятил науке незначительную часть своей жизни.

Характерная особенность научной деятельности Бенджамина Франклина — широчайший охват интересов и при этом приложение к практике. Одним из первых его изобретений стала усовершенствованная конструкция печи — так называемый «пенсильванский камин». Печь оказалась настолько удачной, что правительство Пенсильвании даже предложило Франклину запатентовать свое изделие. Но вот он прагматизм «по-франклиновски»: убежденный противник расточительства (собственно, ради экономии топлива он и предложил свою печь), патентовать это, равно как и последующие свои изобретения, он отказался. «Поскольку мы наслаждаемся великими преимуществами от изобретения других, мы должны быть рады любой возможности служить другим каким-либо собственным изобретением», — таким был его ответ.

Способствовала научным наблюдениям и работа Франклина в почтовом ведомстве: с 1737 по 1753 г., с незначительными перерывами, он управлял почтовым ведомством Филадельфии, а с 1753 по 1774 г. занимал пост директора почт всех колоний. Шторма, вызываемыми северо-восточными ветрами, доставляли немало неприятностей почтовым судам. На протяжении нескольких лет Франклин собирал данные о норд-остах и, систематизировав их, сформулировал теорию, объяснявшую происхождение ветров и их направление. Наблюдение за судами позволило Франклину изучить и еще одно природное явление — Гольфстрим. Он заметил странное явление: более быстроходные, казалось бы, почтовые пакетботы шли из Англии к Восточному побережью Северной Америки примерно на две недели дольше, чем обычные торговые суда — в обратном направлении. Оказалось, что командовавшие последними американские капитаны были знакомы с особенностями Гольфстрима, тогда как капитаны английских пакетботов — нет. В итоге при непосредственном участии Франклина были осуществлены промеры скорости, глубины и ширины Гольфстрима, что позволило гораздо точнее нанести его на карты.

Благодаря Франклину человечество получило замечательное «релаксирующее» средство — кресло-качалку. Он изобрел бифокальные очки, предназначенные для людей, которым нужна коррекция зрения на различных расстояниях, и мочевого катетер. Ему также принадлежит ряд открытий в судостроении. Франклин старался не просто избегать праздности, но еще и разработал собственную систему управления временем; кроме того, по некоторым данным, именно он первым предложил идею перехода на летнее время.

Но главное, чем прославился Франклин как ученый, — это его теоретические и экспериментальные исследования электричества.

Электричество как явление долго было «законсервировано». Еще в VI в. до н. э. Фалес Милетский обнаружил, что янтарь, если его потереть, способен притягивать к себе легкие предметы. И с тех пор два с лишним тысячелетия знания человечества об электричестве этим, по сути, и ограничивались. И только в начале XVII века, после публикации трудов английского физика Джеймса

Гильберта, ученые вновь обратили внимание на это явление. В середине этого же столетия знаменитый немецкий ученый и бургомистр Магдебурга Отто фон Герике создал электростатический генератор, создающий электричество трением, он же первым наблюдал явление электролюминесценции и взаимного отталкивания однополярно заряженных предметов. В 1729 г. английский ученый Стивен Грей провел первые опыты по передаче электричества на расстоянии, а четыре года спустя его французский коллега Шарль Дюфе установил существование двух видов электричества — «стеклянного» и «смоляного», которые мы сейчас именуем, соответственно, положительным и отрицательным. В 1745 году появилась «лейденская банка» — прибор, сыгравший важную роль в экспериментах с электричеством.

Несмотря на все эти, безусловно, важные открытия, в середине XVIII столетия электричество по-прежнему оставалось скорее забавой, чем серьезной наукой. Не случайно по городам Европы, а затем и Америки, разъезжали предприимчивые фокусники, которые за деньги на ярмарках показывали «чудеса», поджигая с помощью лейденской банки спирт, демонстрируя свет в темноте, исходящий не от свечи, а от «неведомой лампы» и т. д. Однажды на такое представление, устроенное неким шотландским доктором Спенсом, попал и Франклин. И буквально сразу же «заболел» электричеством.

Это был удачный момент: он уже зрелый, сорока лет от роду, состоятельный мужчина, который может позволить себе потратиться на организацию опытов. С другой же, Франклин пока еще не был так задействован в делах общественных и политических, как это было спустя некоторое время (собственно, занятость этими делами и стала основной причиной, по которой он был вынужден прервать свои научные занятия). Он тотчас списался со своим лондонским другом, членом Королевского научного общества Питером Коллинсоном, попросил его прислать необходимые приборы и литературу и приступил к опытам. И уже вскоре Франклин делает важнейшее открытие, представив на суд научной обществу первую четко обоснованную теорию электричества. Именно он, определяя электричество как некую «нематериальную жидкость», первым ввел в науку понятия положительного и отрицательного заряда, те самые «плюс» и «минус», с которыми мы сейчас сталкиваемся буквально на каждом шагу.

А в 1750 году Франклин начал изучать атмосферное электричество — молнию и способы защиты от этого явления, которое издавна пугало людей. «Не отведут ли, — писал он, — заостренные концы металлических предметов электрический огонь из тучи, быть может, еще до того, как она приблизится на ударное расстояние и тем самым не спасут ли они нас от самого внезапного и ужасного зла?» Он был уверен в правильности своей догадки, но ее нужно было подтвердить экспериментально.

В июне 1752 года Франклин провел свой, пожалуй, самый знаменитый научный эксперимент. В дождливый день он запустил воздушного змея, к которого был примотан заостренный стержень. Когда ударила молния, вокруг стержня засверкали искры. После этого Франклин мог уже однозначно утверждать, что молния имеет электрическую природу.

* * *

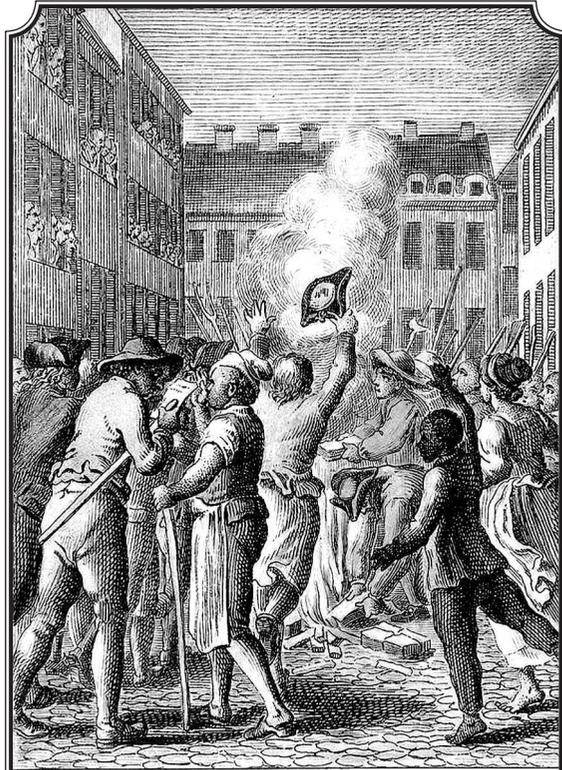
Наверняка Бенджамин Франклин, продолжи он карьеру ученого, обогатил бы науку еще множеством открытий. Но времени катастрофически не хватало. А в 1757 году Франклин и вовсе надолго покинул Северную Америку, во второй

Гербовая марка,
предназначенная
для североамериканских
колоний.
1765 г.

Бостонцы протестуют против
Акта о гербовом сборе.
Гравюра.
Вторая половина XVIII в.

*Die Americaner widersetzen sich der
Stempel Acte, und verbrennen das aus
England nach America gefandte Stempel-
Papier zu Boston im August 1764.*

раз в жизни отправившись в Лондон. Его официальная должность — представитель Ассамблеи Пенсильвании при английском королевском дворе.

Уильям Пенн, основатель и, согласно указу короля Карла II, собственник Пенсильвании прежде всего хотел, чтобы новая колония стала «прибежищем для свободомыслящих европейцев». Однако его наследники видели в Пенсильвании исключительно собственность — и не более того. Аппетиты их росли — равно как и росло желание колонистов самим определять свою судьбу. Правда, об отделении от метрополии речи пока не шло. Франклин хоть и постепенно приходил к идее создания союза колоний, но исключительно под сенью английской короны. И потому главной его задачей был поиск компромисса: колонисты хотели, чтобы король Георг II повлиял на Пеннов и других собственников и чтобы впредь английское правительство проводило более разумную политику в отношении своих североамериканских владений. Поначалу казалось, что план Франклина сработает — ему удалось найти нескольких влиятельных союзников в Уайтхолле. «Британии не следует слишком ограничивать развитие мануфактур в колониях, — убеждал он английских политиков. — Мудрая и добрая мать так поступать не станет. Делать бедней — значит, делать слабее, а когда слабы дети, слаба вся семья». Но после смерти Георга II в октябре 1760 года и воцарения его внука Георга III стало ясно, что политика Лондона в отношении североамериканских колоний останется исключительно «потребительской».

В середине 1760-х годов стало ясно, что Британия не намерена договариваться. Сначала, в 1764 году, в ее североамериканских владениях был запрещен выпуск бумажных денег, что сильно ударило по производителям промышленных товаров и фермерам, постоянно нуждавшимся в больших объемах денежной массы. А годом спустя парламент принял так называемый Акт о гербовом сборе (The Stamp Act). Согласно нему, гербовым сбором, от нескольких пенсов до нескольких фунтов, облагались едва ли не все документы: договора, счета, расписки, газеты, дипломы и т. д., имевшие хождение в колониях.

И вот тут Франклин едва не совершил ошибку, которая могла поставить крест на его блестящей политической карьере. Он не то чтобы поддержал Акт о гербовом сборе, но предложил назначить на должность главного сборщика гербового сбора в Пенсильвании одного из своих английских друзей. Тем временем возмущение колонистов новыми поборами переросло в массовые протесты, сопровождавшиеся митингами и другими действиями: например, сборщиков налогов ловили на улицах, обмазывали дегтем и вываливали в перьях. Когда до филаделфийцев дошла весть о поступке Франклина, они грозились разгромить и его дом. Но Франклин успел быстро «дать задний ход». Он сумел добиться слушаний в английском парламенте по поводу этого акта, в результате которых поборы были отменены.

Умение обратить свою ошибку в победу — это высшее искусство политика. Теперь не только Пенсильвания, но и Джорджия, Нью-Джерси и Массачусетс избрали его своим представителем при английском королевском дворе. Однако отмена скандального акта отнюдь не означала кардинальной смены позиции Лондона. Вместо Штемпельного акта были приняты новые налоги и поборы. Франклин пытался сопротивляться, до поры верил, что статус-кво — обладающие большой самостоятельностью колонии, но все-таки остающиеся во владении Англии, — можно сохранить. Но со временем понял: иного пути, как отделение от метрополии, у американцев попросту нет.

Мы не станем в этой вступительной статье останавливаться на всех перипетиях Американской революции. Интересующийся читатель может сам найти необходимую информацию, благо, источников, описывающих обретение Соединенными Штатами независимости, великое множество. Что же касается Бенджамина Франклина, то он не был главной фигурой в тех далеких событиях, но безусловно занимал одну из центральных и определяющих ход истории позиций. В конце концов, он — единственный, чья подпись стоит под тремя важнейшими документами, юридически оформившими создание Соединенных Штатов: Декларации независимости, Конституции США и Парижским мирным договором.

Весной 1775 года Франклин вернулся из поездки в Европу. Вскоре Ассамблея Пенсильвании единогласно избрала его делегатом на Второй Континентальный конгресс. В июне следующего года он был избран в Комитет пяти (возглавлял его Томас Джефферсон; кроме него и Франклина, в Комитет входили Роджер Шерман, Джон Адамс и Роберт Р. Ливингстон), который подготовил и представил на рассмотрение Второго Континентально конгресса Декларацию независимости. И в том же, 1776 году, в декабре, Франклин был назначен посланником Соединенных Штатов во Франции.

Читателю, которому незнакомы тонкости событий тех лет, может показаться, что эта должность совсем не подходила для уровня такой фигуры, как

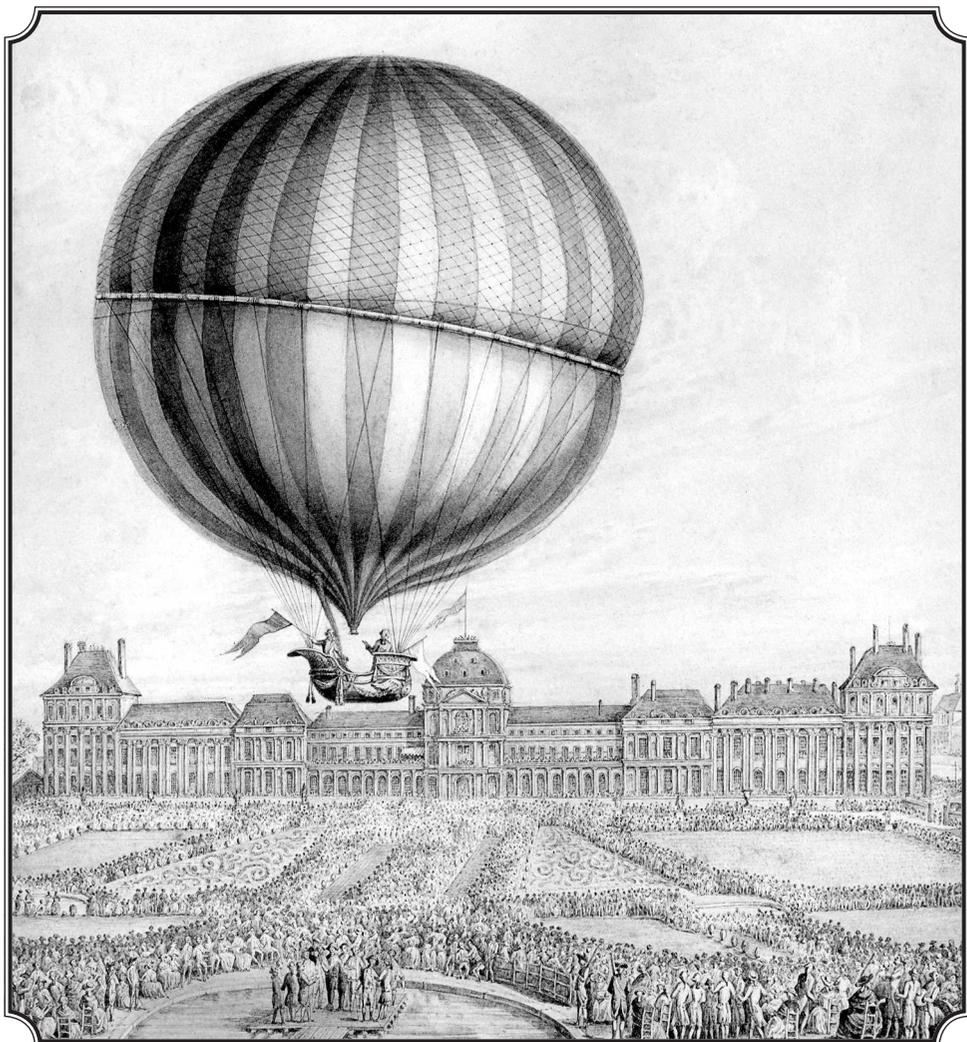
Франклин. Но на самом деле для победы он сделал не меньше, чем Вашингтон и другие — те, кто командовал войсками на поле боя. Ведь несмотря на всю самоотверженность колонистов, справиться своими силами с англичанами они не могли. Нужен был союзник, на роль которого лучше всего подходила Франция, извечный геополитический противник Британии, в том числе и в Северной Америке.

Но выступать в открытую против Лондона французам не хотелось. Так что Франклину пришлось приложить немало усилий и дипломатического мастерства, чтобы убедить короля Людовика XVI и правительство сначала выдать американцам кредит, после направить в колонии корабли с оружием и провизией, а затем и французский гарнизон. Объединение французской и американской армий года сыграло решающую роль в победе под Йорктауном (Вирджиния) в сентябре — октябре 1781 года. Когда весть об этом и о том, что 7 тысяч британских солдат сдались в плен, достигла Лондона, это не только вызвало отставку правительства, но и принятие парламентом беспрецедентного акта — король был объявлен неспособным управлять североамериканскими колониями, парламентарии проголосовали за окончание войны и признание независимости Соединенных Штатов. Вслед за этим, в мае 1782 года начались переговоры между Великобританией, с одной стороны, и США, Францией, Испанией и Нидерландами — с другой. А 3 сентября следующего года, в парижском «Отель д'Йорк» Франклин и Джон Адамс от имени Соединенных Штатов поставили свои подписи под договором, согласно которому Великобритания признавала тринадцать колоний в качестве суверенных и независимых государств (штатов) и отказывалась от каких-либо претензий на управление ими, их территорию и собственность.

Дипломатия в таких условиях — ответственное дело, но тем не менее во Франции Франклин находил время и для других занятий. Он с удовольствием окунулся в жизнь эпохи Просвещения, его принимали в лучшем парижском обществе и при королевском дворе. В августе 1783 года он стал свидетелем первого в истории полета заполненного водородом воздушного шара, построенного братьями

Жан Антуан Гудон.
Бюст Бенджамина Франклина.
1778 г.

Полет братьев Робер на воздушном шаре 1 декабря 1783 года.

Гравюра. 1780-е гг.

Роберами для профессора Жака Шарля. Американский посол был так впечатлен, что выразил желание поддержать финансово дальнейшие разработки в этой области. В те годы популярной темой был «животный магнетизм» — учение и психотерапевтический метод лечения, автором которого был выходец из Германии Франц Антон Месмер. Месмеризм нашел немало поклонников, но были и те, кто находил его «оскорбительным». По указу Людовика XVI была даже учреждена специальная комиссия для изучения «животного магнетизма», в которую, вместе со знаменитым химиком Лавуазье, врачом Гильотеном и астрономом Байи, вошел и Франклин. Кроме того, некоторые источники утверждают, что в Париже Франклин активно ухаживал за дамами и даже строил matrimoniaльные планы в отношении некоторых из них; правда, эти планы, в силу ряда причин, так и остались планами.

А еще тихая, спокойная обстановка в Пасси, пригороде Парижа, где Франклин жил вместе с внуком, располагала к сочинительству — занятию, которому великий американец был предан на протяжении всей своей долгой жизни.

* * *

Эпистолярное наследие Бенджамина Франклина огромно: тысячи произведений, от газетных заметок и писем и до больших статей и эссе. Особняком среди них стоит «Автобиография».

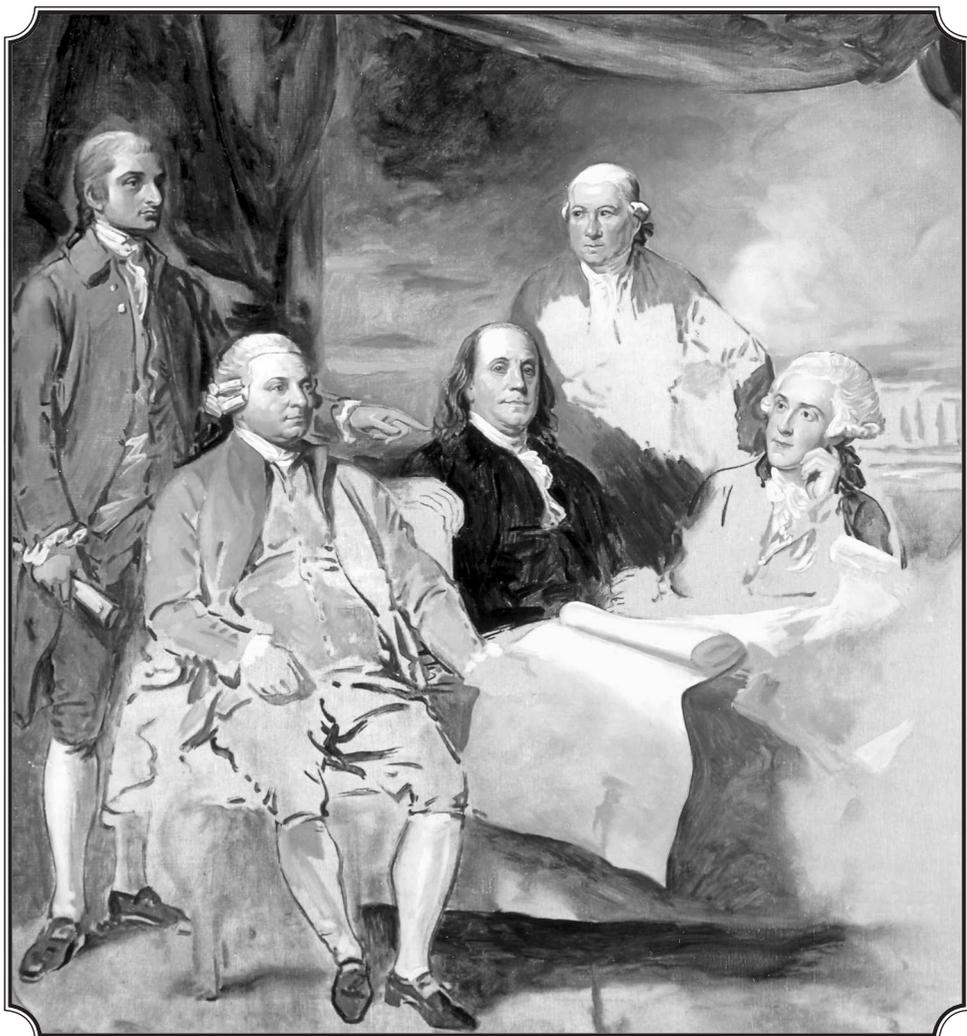
Франклин начал писать ее в 1771 году, адресовав первую часть своему сыну Уильяму, на тот момент уже взрослому человеку, занимавшему ответственный пост. В «Автобиографии» Бенджамин Франклин несколько раз указывал на свои «самые большие ошибки в жизни», и Уильям некоторое время был, можно сказать, одной из них. Дело в том, что он родился вне брака, мать Уильяма осталась для истории неизвестной. Но Франклин в итоге исправил эту ошибку: в 1730 году он официально признал Уильяма своим сыном.

Еще одной ошибкой Франклина, по его собственному признанию, были отношения с Деборой Рид. Семнадцатилетний Бенджамин вскружил голову пятнадцатилетней девушке из Филадельфии, затем уехал в Англию, постепенно перестал писать. Дебора вышла замуж за другого, некоего Роджерса, который вскоре сбежал на Барбадос. Поскольку о его судьбе с тех пор было ничего неизвестно, Дебора не могла официально оформить развод и снова выйти замуж. Но Франклин, к его чести, и в этом случае исправил ошибку молодости. Он возобновил отношения с Деборой и в 1730 году заключил с ней гражданский брак. Спустя два года у супругов родился сын Френсис, но он прожил недолго — в 1736 году скончался от оспы. В 1743 году появилась на свет дочь Сара (родные обычно называли ее Салли), в 1767 году она вышла замуж за предпринимателя Ричарда Бача. В годы борьбы колоний за независимость Салли много занималась благотворительной и волонтерской деятельностью. А в 1774 году, когда скончалась Дебора Рид, Сара взяла на себя заботы о стареющем отце.

Иной характер носили отношения Франклина с сыном Уильямом. До определенного момента их политические взгляды совпадали. Однако Бенджамин со временем превратился в убежденного сторонника независимости колоний, тогда как Уильям остался лоялистом — приверженцем владычества британской короны. С 1763 года он занимал пост королевского генерал-губернатора Нью-Джерси. В 1776 году Уильям Франклин отказался подчиниться революционному правительству штата и был на некоторое время заключен в тюрьму. В 1782 году он покинул Северную Америку и навсегда поселился в Лондоне.

Там же, в Лондоне, в 1760 году, родился Уильям Темпл Франклин — внук Бенджамина Франклина. Как и Уильям, он был внебрачным, но впоследствии признанным ребенком. Бенджамин Франклин узнал о существовании внука, когда тому было три года. В 1775 году, возвращаясь из Европы в Северную Америку, дед забрал Уильяма Темпла с собой. С 16 лет юноша исполнял обязанности секретаря при своем знаменитом деде, а в 1782 году получил государственную должность: он был назначен секретарем американской делегации во время переговоров и заключения Парижского (Версальского) мира. Правда, на этом политическая карьера Уильяма Темпла, по сути, закончилась. В 1785 году он вернулся в Лондон, примирился с отцом и занялся операциями по торговле недвижимостью.

Во многом благодаря усилиям Уильяма Темпла, «Автобиография» Бенджамина Франклина увидела свет. Правда, первое ее издание, вышедшее в 1791 году, было на французском, а не на английском языке. Но это была лишь первая из че-

Бенджамин Уэст. Парижский мир.
Фрагмент незавершенной картины. 1783 г.

На этом групповом портрете, написанном сразу после подписания мира между Великобританией и США, изображены (слева направо) члены американской делегации: Генри Лоуренс, Джон Адамс, Бенджамин

Франклин, Джон Джей Уильям Темпл Франклин. Представители Британии, вначале также согласившиеся позировать художнику Бенджамину Уэсту, затем отказались, и портрет остался незавершенным.

тырех частей, да и то сделанная по стенограмме, еще не вычитанной автором. Через два года в Лондоне вышел перевод французского издания на английский язык. В 1798 году, снова во Франции, появилось издание, включавшее отрывок из второй части. А в 1818 году Уильям Темпл Франклин впервые опубликовал три части «Автобиографии» своего деда. Полвека именно это издание считалось «эталонным». В 1868 году Джон Бигелоу, посол США во Франции, купил подлинную рукопись воспоминаний Бенджамина Франклина и издал ее, дополнив четвертой частью. С тех пор выпущенная Бигелоу книга используется для всех изданий на английском языке и для переводов.

Помимо «Автобиографии» в наше издание включены эссе и статьи Бенджамина Франклина. Разные по характеру и направлению — от «программных» («Путь к изобилию») и философских («Эфемера: эмблема человеческой жизни») до ироничных и сатирических («Как великая империя может превратиться в маленькое государство», «Диалог между Франклином и Подагрой») — в целом они характеризуют взгляды этого выдающегося человека и их эволюцию в течение жизни. Франклин вырос в пуританской семье, и ценности, присущие приверженцам строгой морали, были жизненными ориентирами и для него. Основа основ — добродетель. Из «страсти к добродетели» произрастают честность, трудолюбие, бережливость, скромность и умеренность в быту и в пище, сострадание, дух коллективизма. При этом Франклин не только сам следовал всему перечисленному, но всеми силами желал привить стремление к добродетели обществу, нарождающейся американской нации. И благодаря своему громадному моральному авторитету преуспел в достижении этой цели.

Вера в Бога как источник нравственности и основа добродетели человека — еще один «супер-принцип» Бенджамина Франклина. Но при этом, оставаясь всю жизнь христианином, он уже в достаточно юном возрасте стал избегать присущего пуританству догматизма. Бенджамин считал себя приверженцем деизма. Упрощенно концепцию этой религиозно-философской системы можно охарактеризовать так: Бог создал этот мир, но он не вмешивается (или вмешивается очень ограниченно) в происходящее в нем; Бог как Великий Часовщик, запустивший однажды Мировые Часы, которые дальше идут сами собой.

Веротерпимость была, в целом, характерна для североамериканских колоний, заселявшихся представителями разных конфессий. Вполне естественно, что Франклин отстаивал право каждого исповедовать свою веру. При этом он считал, что та или иная церковь должна находиться на «самообеспечении»: «Когда религия хороша, она поддерживается сама себя; но если Бог не дает такой поддержки и священники обращаются за помощью к гражданской власти, я считаю, что это — плохой признак».

Что же касается государственного и общественного устройства, принципы Франклина во многом совпадали с идеалами эгалитаризма, главная идея которого — создание общества с равными экономическими, политическими и правовыми возможностями для всех членов социума. Отсюда, с опорой на христианское учение, проистекает принцип равенства. Библия учит, что все люди созданы по образу и подобию Бога, и ценность индивидуума определяется исключительно его делами, а не происхождением. Жизнь, свобода: личная, слова, вероисповедания, и собственность — естественные права человека, которые, по мнению Франклина, должны неукоснительно соблюдаться. При любой власти и во все времена.

* * *

В 1785 году Франклин вернулся в Соединенные Штаты. Ему уже почти восемьдесят лет, казалось бы, пора уйти на покой. Но его авторитет настолько высок, что члены Ассамблеи Пенсильвании три раза подряд избирали его главой штата. Естественно, что Франклин оказался в числе представителей от Пенсильвании на Филадельфийском конвенте, на котором в сентябре 1787 года была принята Конституция США. Престарелый политик отнюдь не отбывал номер, в проект были внесены его несколько важных замечаний. В частности, именно с его подачи Конгресс США стал двухпалатным, что обеспечивало разумный компромисс и уравновешенность политических интересов.

И все-таки годы брали свое. После Конвента Франклин редко появлялся на публике. Еще в 1781 году, будучи во Франции, он просил Конгресс об отставке (при всей любви к родине он был совсем не против провести остаток своих дней в Париже), но его непустили. Франклин всю жизнь был сторонником умеренности, в том числе и в еде, но природная расположенность к лишнему весу сказывалась, что и стало главной причиной его проблем со здоровьем.

Но это не было угасание, ясность ума Франклин сохранял до самых последних дней. В 1790 году он написал притчу-пародию «О работоторговле», которая уже на следующий день была опубликована в газетах. Надо сказать, что взгляды Франклина на проблему рабства менялись со временем. Еще в 1740-х — 1750-х годах он владел несколькими рабами, считая это вполне нормальным явлением. Однако затем стал противником рабства. Поначалу из прагматических соображений: в своих работах он приводил аргументы против мнения, что рабский труд дешевле наемного и что благодаря рабству североамериканские колонии могут достичь большего экономического роста. А затем уже с позиций общечеловеческих: рабство как явление просто невозможно в обществе, которое основывается на естественном и неотъемлемом праве человека на личную свободу. И хотя он понимал, что до определенного момента, с целью единства колоний (сельскохозяйственные южные штаты в случае моментальной отмены рабства ждал бы экономический крах), в этом вопросе должен быть найден компромисс, именно Франклин стал основателем одного из первых в Северной Америке аболиционистских обществ.

Статья «О работоторговле» появилась в печати 25 марта 1790 года. А 17 апреля, около 11 часов вечера, Бенджамин Франклин скончался в своем доме в Филадельфии. Проститься с ним пришли 20 тысяч человек — больше половины тогдашнего населения Филадельфии. Еще в 1728 году, когда ему было 22 года, Франклин составил собственную, весьма обширную, эпитафию. Но незадолго до конца изменил завещание, и на могильной плите на кладбище Крайстчерч выгравированы только его фамилия и даты жизни.

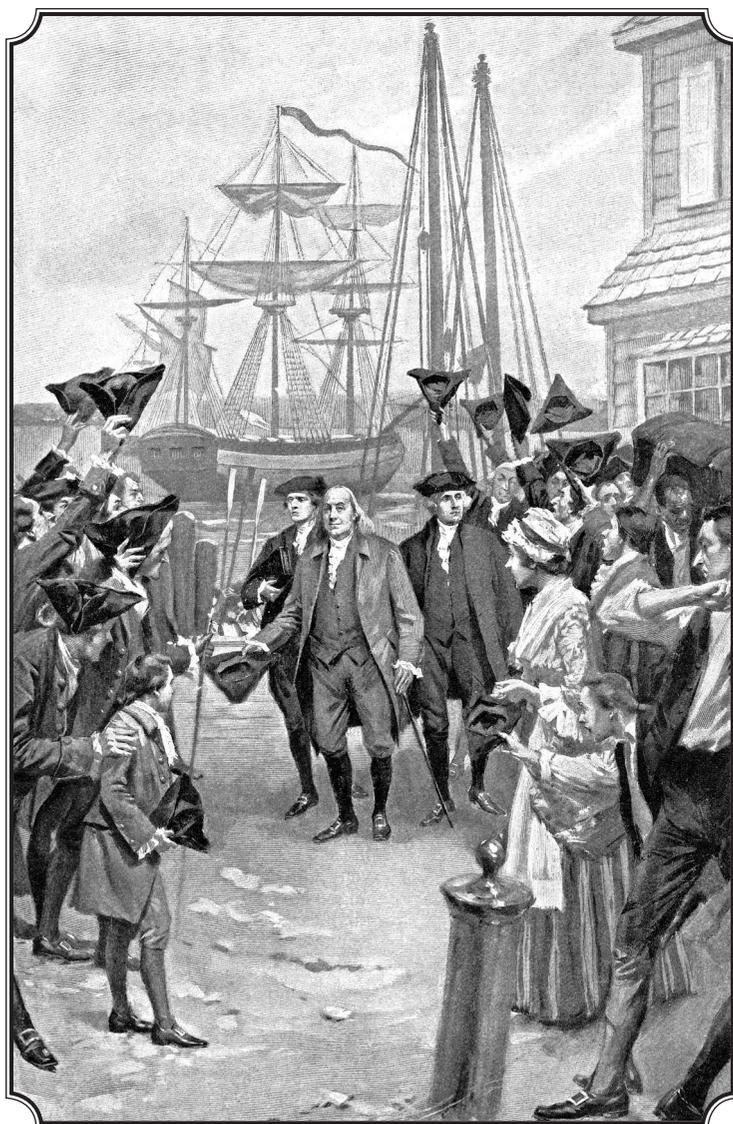
Франклин не боялся своего ухода. Он сожалел лишь о том, что не сможет увидеть будущее. В 1770-х годах он писал одному из друзей: «Из-за огромного желания видеть и наблюдать государство Америки сто лет спустя, я бы предпочел обычной смерти быть погруженным с несколькими друзьями в бочку мадеры до тех пор, и тогда быть возвращенным к жизни солнечным теплом моей дорогой страны!» И в другом философском рассуждении, открывая сердцевину своего мировоззрения: «Если вы любите жизнь, не нужно тратить время безрассудно. Время — это тот материал, из которого сделана ваша жизнь.» Читатель этой книги увидит, что судьба самого Бенджамина Франклина была сшита из очень добротного материала.

А. Ю. Хорошевский

АВТОБИОГРАФИЯ
БЕНДЖАМИНА
ФРАНКЛИНА

1706—1757

Перевод с английского
Ю. В. Кулишенко.

Примечания и комментарии
М. Терехова, А. Жемерова

МОИ ПРЕДКИ И ДЕТСТВО В БОСТОНЕ

Твайффорд, у епископа Сент-Асафского, 1771*

Дорогой сын! Мне всегда доставляло удовольствие знакомиться с историями, имеющими отношение к моим предкам, даже самым дальним. И ты, наверное, помнишь мои беседы с оставшейся в живых родней, когда мы с тобою были в Англии, и само путешествие, предпринятое мною ради этой цели. Так что, думаю, тебе может быть интересно узнать о моей жизни подробности, многие из которых тебе еще не известны; и, предвидя наслаждение от ничем не прерываемого недельного досуга в моем нынешнем сельском убежище, я берусь за перо, чтобы записать их для тебя. Правда, есть у меня на то и иные побуждения. Пройдя в своей жизни с немалой долей удачливости путь от бедности и безвестности, в коих я родился и вырос, до богатства и определенной репутации в этом мире, я пользовался способами, которые, с Божией помощью, оказались столь успешными, что мои потомки, вероятно, также захотят узнать о них, а то и смогут найти их пригодными для своих собственных обстоятельств и потому — достойными подражания.

Удачливость эта, при размышлении о ней, нередко побуждала меня признать, что, если бы мне был предоставлен выбор, я не имел бы никаких возражений прожить свою жизнь еще раз с начала, попросив лишь о том преимуществе, которым обладают авторы книг, — во втором издании исправить кое-какие ошибки, допущенные в первом. Так, чтобы я мог, помимо исправления этих ошибок, вычеркнуть некоторые злополучные события и случаи, заменив их на другие, более благоприятные. И даже если бы мне было в этом отказано, я тем не менее такое предложение все равно бы принял. Но, поскольку ожидать повторения не стоит, из всего на свете наиболее похожим на то, чтобы прожить жизнь сначала, являются воспоминания, которые получится еще полнее и продолжительнее пережить, если начать их записывать на бумаге.

И потому я дам волю склонности, столь естественной для стариков, — поговорить о себе и о своих прошлых делах, — и позволю себе это без опасения

* В деревне Твайффорд, в графстве Хэмпшир на юге Англии, находилась резиденция доктора Джонатана Шипли, епископа Сент-Асафского, — близкого друга Бенджамина Франклина. (Здесь и далее — примечания редакторов.)

Герб и печать
Бенджамина Франклина

оказаться утомительным для тех, кто только из уважения к возрасту любезно согласится прислушаться к моим словам, ибо всякий волен как читать записи, так и отказаться от чтения. И наконец (признаюсь в этом с легкостью, ибо никто не поверит мне, если я примусь настаивать на обратном), возможно, так я в значительной степени удовлетворю свое тщеславие. Ведь на самом деле едва я услышу или прочту вступительные слова вроде «Безо всякого тщеславия скажу» и т. д., как за ними непременно последует нечто совершенно самолюбленное. Многим не нравится, когда другие проявляют тщеславие, сколь бы тщеславными они ни были при этом сами; а я привечаю его, где бы с ним ни столкнулся, поскольку убежден, что оно всегда приносит добро и своему обладателю, и всем, кто находится в поле его воздействия, и не так уж и нелепо было бы, если бы человек благодарил Господа за свое тщеславие так же, как благодарит за прочие жизненные блага*.

Говоря о благодарении Господу, я смиреннейше желаю восславить Его за то, что всю мою упомянутую счастливостью я обязан Его благому провидению, которое дало мне в руки те средства, что я использовал, и принесло успех. Моя вера побуждает надеяться, хоть я и не смею быть в том уверенным, что та же благодать будет и далее ниспосылаться мне, продолжая это счастье, или даст мне силы вынести его фатальную противоположность, которую я могу испытать так же, как это делают другие, — ведь вся будущность моя известна лишь Тому Одному, в чьей власти благословлять нас даже в скорбях наших.

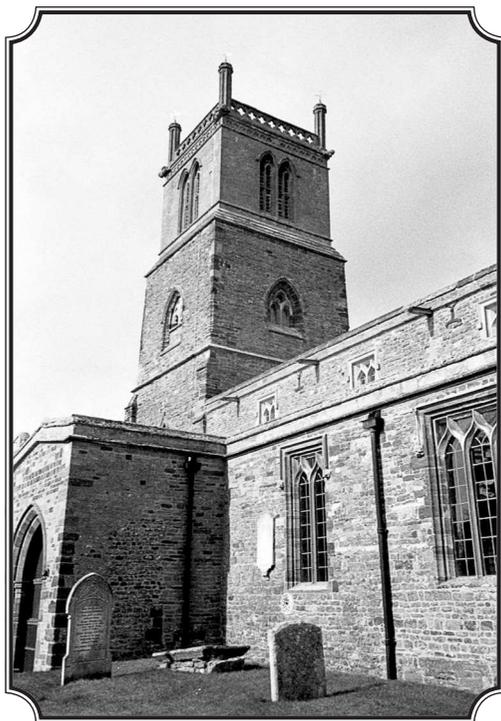
* ...благодарил Господа за свое тщеславие так же, как благодарит за прочие жизненные блага. — Гибсон и Юм, современники Франклина, в своих автобиографиях высказывались о тщеславии подобным образом.

Иллюстрация из «Альманаха Бедного Ричарда», издававшегося Франклином в 1732—1758 годах

Из заметок одного из моих дядьев (имевшего схожее пристрастие к собиранию семейных преданий), попавших в мои руки, мне стали известны некоторые подробности, касающиеся наших предков. Я узнал, что семейство наше жило в одной и той же деревне под названием Эктон, в Нортгемптоншире, на протяжении трехсот лет (а возможно, и дольше, с тех самых времен, когда прозвище «франклины»*, прежде принадлежавшее прослойке людей, было присвоено ими, когда они, вместе с прочими обитателями королевства, получали фамилии), имея в свободном владении около тридцати акров земли и занимаясь кузнечным делом — старший сын в семье обязательно становился кузнецом. Этому обычаю, будучи старшими сыновьями, последовали мой отец и дядя. Разбирая метрические записи в Эктоне, я нашел свидетельства о рождениях, браках и похоронах моих предков начиная с 1555 года — в предшествующие годы записи в приходе не велись. Из них я выяснил, что прихожусь младшим сыном младшего сына в пятом поколении. Мой дед Томас, родившийся в 1598 году, жил в Эктоне, пока не стал слишком стар, чтобы заниматься делами, и не переселился к своему сыну Джону, красильщику из Бэнбери, что в Оксфордшире, у которого мой отец служил подмастерьем. Там мой дед умер и был похоронен. В 1758 году мы посетили его могилу. Его старший сын Томас жил в Эктоне в собственном доме, который он передал по наследству своей единственной дочери. А она со своим мужем, неким Фишером из Веллингборо, продала его мистеру Истеду, нынешнему владельцу. У моего деда было четверо сыновей: Томас, Джон, Бенджамин и Джозайя. Я расскажу о них то, что запомнил из своих прежних записей, и, если за время моего отсутствия с моими заметками ничего

* В средневековой Англии «франклинами» именовались свободные англосаксы-землевладельцы недворянского происхождения.

**Церковь в Эктоне — городе,
в котором на протяжении трех веков
жили предки Бенджамина Франклина.**
Современная фотография

не случится, ты найдешь там много прочих подробностей.

Дед готовил Томаса к профессии кузнеца; но, поскольку мальчик был любознательным, а эсквайр Палмер, тогдашний покровитель местного прихода, поощрял его к учению, Томас выучился на стряпчего. Он стал уважаемым человеком и возглавлял все общественные начинания, как в графстве и городе Нортгемптон, так и в своей родной деревне, где он вел множество дел, многие из которых не остались незамеченными и получили покровительство лорда Галифакса. Томас умер 6 января 1702 года по старому стилю*, ровно за четыре года до моего рождения. Рассказы о его жизни и характере, услышанные нами от эктонских стариков, помнится, чрезвычайно впечатлили тебя сходством с теми историями, что ты слышал обо мне. «Если б он скончался в день твоего рождения, — сказал ты, — можно было бы предположить переселение душ».

Джон выучился на красильщика, сдается мне, шерсти. А Бенджамин — на красильщика шелка и служил подмастерьем в Лондоне. Это был человек острого ума. Я неплохо помню его, поскольку, когда я был мальчиком, он приехал к моему отцу в Бостон и пробыл в одном с нами доме в течение нескольких лет. Бенджамин скончался в глубокой старости. Его внук, Сэмюэл Франклин, ныне проживает в Бостоне. После него осталось два тома ин-квартио его собственной поэзии, представляющей собой стихи, обращенные к друзьям и родным. Примером может служить стихотворение, адресованное мне. Также он изобрел собственный метод скорописи, которому обучил и меня, но я не практиковался и к настоящему моменту совершенно его позабыл. В честь этого дяди я получил свое имя, ибо между ним и моим отцом были особенные отношения. Бенджамин был чрезвычайно благочестив и регулярно посещал выступления лучших проповедников, конспектируя их с помощью своей скорописи. У него было множество тетрадей с этими конспектами. Он в значительной мере увлекался политикой — пожалуй, даже чрезмерно, с учетом его положения. Впоследствии в Лондоне мне в руки попало составленное им собрание всех наиболее важных статей и памфлетов по общественным вопросам за период с 1641 по 1717 год. Многих томов, судя

* ...6 января 1702 года по старому стилю... — Т. е. 17 января по новому стилю. Реформа календаря, осуществленная в 1582 г. папой римским Григорием XIII, в Англии была принята в 1752 г. В XVIII в. разница между старым и новым стилями составляла одиннадцать дней, и Парламент постановил, что за 2 сентября 1752 г. должно последовать 14-е.

по нумерации, недоставало, но тем не менее сохранилось восемь томов ин-фолио и двадцать четыре ин-кварты и ин-октавы. Их собрал для меня один знакомый букинист — время от времени я покупал у него книги. Похоже, мой дядя, уезжая в Америку около пятидесяти лет назад, оставил свое собрание здесь. На полях этих томов я нашел множество его заметок.

Наше незнатное семейство рано присоединилось к Реформации. Оно оставалось протестантским при королеве Марии и, несмотря на опасность, угрожавшую противникам папства, в семье была английская Библия. Чтобы сохранить ее в тайне, Библию привязывали в открытом виде тесемками к складному креслу и прятали снизу под обивкой. Когда мой прапрадед читал ее своей семье, он укладывал кресло, перевернув его, себе на колени, и перелистывал страницы из-под тесемок. Кто-то из детей всегда стоял у двери, следя, не идет ли судебный исполнитель из церковного суда. В этом случае кресло переворачивали опять на ножки, и Библия оказывалась спрятанной, как прежде. Обо всем этом я узнал от моего дяди Бенджамина. Семья оставалась в лоне англиканской церкви до конца правления Карла II, когда священники, изгнанные за диссентерство*, организовали конвентиклы** в Нортгемптоншире, — тогда Бенджамин и Джозайя присоединились к ним и оставались верны им до конца своих дней, в то время как остальные члены семьи продолжили посещать епископальную церковь.

Джозайя, мой отец, женился рано и около 1682 года увез жену с тремя детьми в Новую Англию. Конвентиклы тогда были запрещены законом, на них нередко устраивались облавы, поэтому многие видные люди из числа знакомых вынуждены были покинуть страну, и моего отца убедили последовать за ними туда, где, как они рассчитывали, можно будет беспрепятственно исповедовать свою религию. От той жены у него было еще четверо детей на новом месте, а вторая принесла ему еще десятерых, общим числом — семнадцать, из которых тринадцатерых мне доводилось на моей памяти видеть сидящими за одним столом, и все они выросли, женились либо вышли замуж. Я был самым младшим сыном и младшим из детей, за исключением двух сестер, родился в Бостоне, что в Новой Англии. Мою мать, вторую жену отца, звали Эбайя Фолджер. Она приходилась дочерью Питеру Фолджеру, одному из первых переселенцев Новой Англии, о ко-

Коттон Мэзер
(1663—1728)

* *Диссентеры* (англ. dissenters, от лат. dissentio — «не соглашаюсь») — в Англии этим термином обозначались лица, уклоняющиеся от официально принятого вероисповедания.

** *Конвентикл* (англ. conventicle) — незаконное собрание верующих. Согласно закону 1670 г., в Англии собрания разрешались только верующим англиканской церкви.

Дом на Милк-стрит в Бостоне, в котором родился Бенджамин Франклин.

Гравюра. XVIII в.

увязывает войны с индейцами и прочие бедствия, обрушившиеся на страну, с этими преследованиями, трактуя их как кару Божию за гнусные преступления, и призывает к отмене столь несправедливых законов. Произведение впечатлило меня своим безыскусным достоинством и мужественной откровенностью. Припоминаю шесть последних строк заключительной строфы, хотя первые две и позабыл, — в них речь шла о том, что суждения его чистосердечны, и потому он хотел бы сохранить свое авторство:

Ибо быть клеветником (так он говорит)
От всего я сердца ненавижу;
И в Шербурне***, где ныне я живу,
Надписываю здесь я свое имя,
Ваш истинный друг безо всяких обид —

Питер Фолджер.

Все мои старшие братья обучались каким-нибудь ремеслам. Меня же отдали в возрасте восьми лет в грамматическую школу****; мой отец имел намерение, чтобы я, как десятый сын, посвятил себя служению Церкви*****. Воодушевили его

* Коттон Мэзер (1663—1728) — американский религиозный деятель, ученый, писатель, историк, публицист. Автор около 450 работ, оказавших значительное влияние на американскую политическую мысль.

** «Magnalia Christi Americana» — «Американские Христовы таинства» (лат.).

*** Шербурн — старинное название города Нантакет.

**** Грамматической школой в те годы в Северной Америке называли аналог классической гимназии.

***** ...как десятый сын, посвятил себя служению Церкви. — Джозайя Франклин собирался последовать средневековой традиции распространения «Авраамовой десятины» на детей.

на этот замысел моя ранняя готовность учиться чтению (должно быть, очень ранняя, ибо я не помню такого времени, когда бы я не умел читать) и мнение всех его друзей, что из меня непременно выйдет хороший ученый. Мой дядя Бенджамин также одобрял это решение и предложил отдать мне все свои скорописные конспекты проповедей — предполагаю, для того, чтобы было с чего начинать, если я возьмусь изучать скоропись. Однако в грамматической школе я проучился меньше года, несмотря на то, что я за это время перешел из середины класса во главу его и далее был переведен в следующий класс, а к концу года меня собирались направить в третий. Но мой отец тем временем переменял свое решение, поскольку моего образования в колледже он, имея столь большую семью, не смог бы должным образом оплатить, а кроме того, потому, что многие из тех, кто получил такое образование, вынуждены были жить в бедности — эти причины отец называл друзьям в моем присутствии. Меня забрали из грамматической школы и отдали в школу письма и арифметики, которую держал м-р Джордж Браунелл, известный в те времена человек, добившийся в своей профессии большого успеха, руководствуясь при этом методами поощрения и снисхождения. Под его руководством я довольно скоро освоил чистописание, но с арифметикой не справился, мне не удалось продвинуться в ней далеко. Итак, когда мне было десять, меня забрали домой помогать отцу в его делах; в те времена он занимался изготовлением сальных свечей и мыловарением — ремеслом, которому не обучался, но за которое взялся в Новой Англии, когда обнаружил, что красильным делом здесь семью не прокормить из-за слишком малого спроса. Я, в свою очередь, занимался нарезкой фитилей, заливкой макательных форм и форм для отливки свечей, ходил за покупками, по различным поручениям и т. д.

Мне это ремесло не нравилось, я испытывал сильную тягу к морю, но отец высказывался решительно против. Тем не менее, живя на побережье, я много времени проводил в воде и на воде, рано научился хорошо плавать и управляться

Иллюстрация из «Альманаха Бедного Ричарда»

Вид на Бостон со стороны гавани.

Гравюра. XVIII в.

с лодкой. В лодке или каноэ с другими мальчишками мне обыкновенно поручали рулить, в особенности когда это дело оказывалось нелегким; да и в других случаях я, как правило, был у них предводителем, и порой мы попадали в переделки, об одной из которых я бы хотел рассказать, ибо вижу в ней раннее проявление своего гражданского чувства, хоть и осуществившегося неподходящим образом.

Мельничный пруд, на краю которого мы во время паводков удили пескарей, с одного конца был опоясан солончаком. Со временем, когда мы истоптали это место так, что там образовалась настоящая трясина, я предложил построить пристань, чтобы на ней можно было стоять, и показал моим приятелям большую кучу камней, предназначавшихся для строительства нового дома у болота и как нельзя лучше подходивших для нашей цели. Вечером, когда рабочие ушли, я собрал нескольких своих товарищей по играм, и мы принялись усердно носить глыбы, подобно муравьям. Некоторые камни приходилось нести вдвоем, а то и втроем. Мы перетасили их все и соорудили маленькую пристань. На следующее утро рабочие удивились пропаже камней и обнаружили наше сооружение. Случившееся было расследовано, нас нашли и пожаловались отцам; некоторых наказали, и, хотя я оправдывался полезностью нашего дела, мой отец убедил меня в том, что если что-то нечестно, то пользы от такого дела быть не может.

Думаю, ты хотел бы знать больше о личности и характере моего отца. Он был превосходно сложен: среднего роста, но крепко сбит и очень силен. Человеком он был изобретательным, умел неплохо рисовать, немного способен в музыке и обладал чистым, приятным голосом, так что, когда он играл на скрипке псалмы и подпевал (а он время от времени делал так вечерами, когда дневные дела были окончены), это было необычайно приятно на слух. У него также была склонность к механике, и, когда выпадал случай, он чрезвычайно ловко обращался с инструментами и приспособлениями. Но главными его достоинствами были ясность понимания и глубина суждений в делах благоразумия, как личного, так и общественного свойства. Последними, на самом деле, он совсем не занимался, многочисленность его семейства и стесненность обстоятельств не позволяли ему отвлекаться от своего ремесла. Однако я помню хорошо, как часто важные

люди приходили к нему посоветоваться о делах города или церкви, к которой он принадлежал, и с каким уважением относились они к его советам и суждениям. Нередко обращались к нему и частные лица по своим делам, когда у них возникали какие-либо трудности; бывало и так, что его выбирали третейским судьей между спорящими сторонами. Он любил собирать за столом, насколько возможно часто, кого-нибудь из друзей или умных соседей для беседы и всегда выбирал занимательную и полезную тему разговора, такую, что могла поспособствовать развитию его детей. Так он привлекал наш разум к вещам, которые считал в жизни правильными, справедливыми и благоразумными; а на кушанья, что были на столе, внимания обращалось мало, а то и вообще никакого — хорошо или плохо они поданы, ко времени ли года или нет, вкусны ли они или нет, подходят друг другу или, наоборот, не соответствуют. Потому я был воспитан в столь совершенном равнодушии к вопросам подобного рода, что стал вполне безразличен к тому, какую пищу передо мною ставят, и настолько невнимателен к ней, что по сей день, если меня спросят, я едва ли смогу рассказать, что было на обед, уже спустя несколько часов. Это особенно было полезно в путешествиях, когда мои спутники нередко бывали очень недовольны невозможностью надлежащего удовлетворения своих более нежных, ибо лучше развитых, вкусов и appetitов.

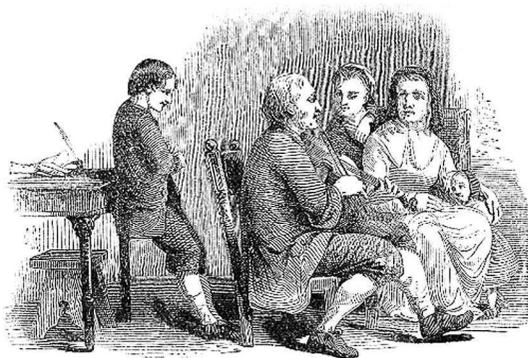
Моя мать также была превосходно сложена и отменного здоровья: она вскормила всех десятирех своих детей. Я не припомню, чтобы мои отец или мать хворали, за исключением тех лишь болезней, что унесли в конце концов их жизни, отца — в 89 лет от роду, а матери — в 85. Они похоронены в одной могиле в Бостоне, где впоследствии я установил мраморное надгробие с такой надписью:

Джозайя Франклин
и
Эбайя, его жена,
погребены здесь.
Они жили счастливо и в браке
пятьдесят пять лет.
Без поместья и безо всякого прибыльного дела,
в труде и прилежании,
по Божьему благословению
они содержали большую семью
в достатке,
достойно вырастили тринадцать* детей
и семь внуков.
Их примером, читатель,
вдохновись на усердие в деле своего призвания
и доверяй Провидению.
Он был муж благочестивый и рассудительный;
она — женщина скромная и добродетельная.
Их младший сын
в сыновнем почтении к их памяти
воздвиг этот камень.
Дж. Ф. родился в 1655, скончался в 1744, в возр. 89.
Э. Ф. родилась в 1667, скончалась в 1752,— 85.

* Так в оригинале, хотя на самом деле у Джозайи от двух браков было семнадцать детей, от брака с Эбайей — десять.

Из бессвязности моих отступлений я заключаю, что старею. Прежде я писал более методично. С другой стороны, для дома мы не наряжаемся, как для бала, так что, возможно, все это лишь моя небрежность.

Вернемся к нашему рассказу. Я был занят в предприятии моего отца два года, пока мне не исполнилось двенадцать; мой брат Джон, которого учили этому ремеслу, оставил отцовский дом, женился и обосновался на Род-Айленде, и все выглядело так, что я обречен на то, чтобы занять его место и стать свечником. Но это занятие не нравилось мне по-прежнему, и отец подозревал, что, если он не подберет для меня дела более подходящего, я убегу и стану моряком, как поступил, к превеликой его досаде, сын Джозайя. Потому отец время от времени брал меня с собой и показывал, как работают столяры, каменщики, гончары, медники и прочие, чтобы понять, к чему у меня склонность в том или ином ремесле, и поощрить ее во мне. С тех пор для меня наслаждение смотреть, как хороший работник управляется со своим инструментом. И кроме того, оказалось полезным многому научиться самому: позже я мог выполнять дома разные работы, когда была затруднена возможность вызвать мастера, и строил маленькие машины для моих экспериментов, пока идея эксперимента еще была свежа в моем уме. Мой отец в конце концов остановился на ремесле ножового мастера, и меня отправили на некоторое время к сыну дяди Бенджамина, Сэмюэлу, который был обучен этому делу в Лондоне, а в те времена проживал в Бостоне. Но его ожидания в отношении прилагавшейся ко мне суммы пришлись отцу не по нраву, и меня опять забрали домой.

II
Я СТАНОВЛЮСЬ ПЕЧАТНИКОМ

С детства я любил читать, так что те небольшие деньги, которые попадали мне в руки, всегда тратил на книги. Мне нравился «Путь паломника», и сочинения Джона Баньяна в нескольких томиках стали началом моей коллекции. Впоследствии я продал их, чтобы купить «Историческое собрание» Р. Бертона — маленькие книжечки из тех, что продают вразнос, числом 40 или 50. Небольшая библиотека моего отца состояла преимущественно из полемических книг по богословию, которые я прочел почти все; позже, когда стало ясно, что клириком я не стану, я часто сожалел, что в те времена, когда у меня была такая жажда знаний, мне не встретилось более подходящего чтения. Я много узнал из «Жизнеописаний» Плутарха и по сей день нахожу, что потратил свое время с великой пользой. Помню также книгу Дефо «Сочинение о проектах» и еще одну, доктора Мэзера, называвшуюся «Сочинение о том, как творить добро»*, которые, возможно, дали моим мыслям направление, оказавшее влияние на важнейшие события моей будущей жизни.

Эта склонность к книгам со временем побудила моего отца к решению сделать меня печатником, несмотря даже на то, что один его сын уже овладел этой профессией: в 1717 году мой брат Джеймс вернулся из Англии с прессом и литерами, чтобы заняться ремеслом печатника в Бостоне.

Это занятие было мне больше по вкусу, чем профессия отца, но мною по-прежнему владела страстная тяга к морю. Дабы предотвратить последствия такой привязанности, отцу не терпелось направить меня к брату. Некоторое время я сопротивлялся, но в конце концов был переубежден и подписал договор об ученичестве. Было мне тогда всего двенадцать лет. Я должен был служить учеником, пока мне не исполнится двадцать один год, и только в последний год обучения мне полагалось жалованье подмастерья. В короткий срок я достиг большой сноровки в этом ремесле, став для брата полезным помощником.

* Английское название этого произведения, опубликованного в 1710 г., — «Essays to Do Good».

Теперь мне открылся доступ к лучшим книгам. Знакомство с учениками книготорговцев позволяло иногда брать книги взаймы, и я старался возвращать их вовремя и в полном порядке. Одолжив книгу вечером и обязавшись вернуть ее к утру, когда она могла понадобиться или ее пропажу могли заметить, я часто просиживал за чтением до глубокой ночи.

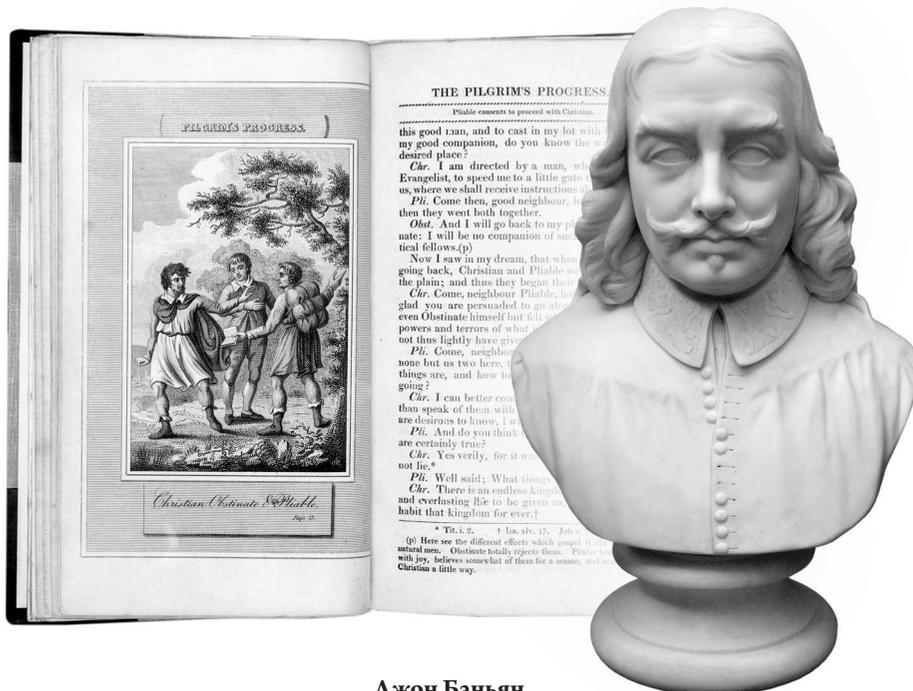
Спустя некоторое время один одаренный предприниматель, мистер Мэтью Адамс, обладатель неплохой библиотеки, часто посещавший нашу типографию, заметил меня и пригласил к себе, великодушно позволив одолжить у него те книги, которые я выберу. Во мне проснулся интерес к поэзии, и я сочинил несколько коротких стихотворений; мой брат, решив, что из этого может выйти толк, поощрил это увлечение, поручив мне написать баллады на случай. Одна называлась «Трагедия у маяка» и повествовала о том, как утонули капитан Уортилейк со своими двумя дочерьми; другая была моряцкая песня о поимке пирата Тича (известного также как Черная Борода). Стихи были ужасны — баллады в стиле Граб-стрит*, но, когда их напечатали, брат послал меня в город продавать. Первая разошлась замечательно: событие, в ней описанное, случилось недавно и наделало много шума. Это польстило моему тщеславию, однако отец отбил во мне охоту к поэзии, посмеявшись над моим кругом чтения и заявив, что стихоплеты по большей части все нищие. Так я избежал участи поэта, по всей вероятности плохого. Но поскольку писание прозы принесло мне в течение моей жизни немалую пользу и стало для меня главным средством достижения успеха, я расскажу о том, как приобрел некоторые способности, которыми обладаю в этой области.

В городе был еще один книжник, по имени Джон Коллинз, с которым я был близко знаком. Мы иногда спорили, но споры эти были чрезвычайно нам по нраву, так как мы всегда пытались один другого переубедить; следует заметить, что подобная склонность к препирательствам в общении с людьми может превратиться в весьма дурную привычку постоянно противоречить, которая, помимо того, что расстраивает и портит беседу, еще и приводит к тому, что спорщик вызовет у собеседников отвращение и враждебность там, где могла бы иметь место дружба. Я приобрел эту привычку, читая отцовские книги, посвященные религиозным спорам. У здравомыслящих особ, как я впоследствии обнаружил, она встречается редко, за исключением законников, профессоров и всяческих людей родом из Эдинбурга.

Однажды мы с Коллинзом завели разговор о приемлемости образования для представительниц женского пола и об их способности к обучению. По его мнению, это было бессмысленно и в этом отношении женщины мужчинам не равны. Я занял противоположную сторону в дискуссии, быть может, ради спора как такового. Коллинз был от природы более красноречив, у него имелся всегда наготове немалый словарный запас, и порой, как мне казалось, он одолевал меня скорее многословием, нежели силой аргументации. Поскольку мы разошлись, так и не придя к общему пониманию, и некоторое время не виделись, я сел за стол, чтобы записать свои аргументы, переписал их начисто и отослал

* *Груб-стрит* (Grub Street) — улица в Лондоне (сейчас — Милтон-стрит), где в XVII—XVIII вв. во множестве обитали бульварные писатели, литературные и поэтические поденщики. Впоследствии выражение *в стиле Груб-стрит* стало синонимом литературной халтуры и бездарности.

Джон Баньян
(1628—1688)

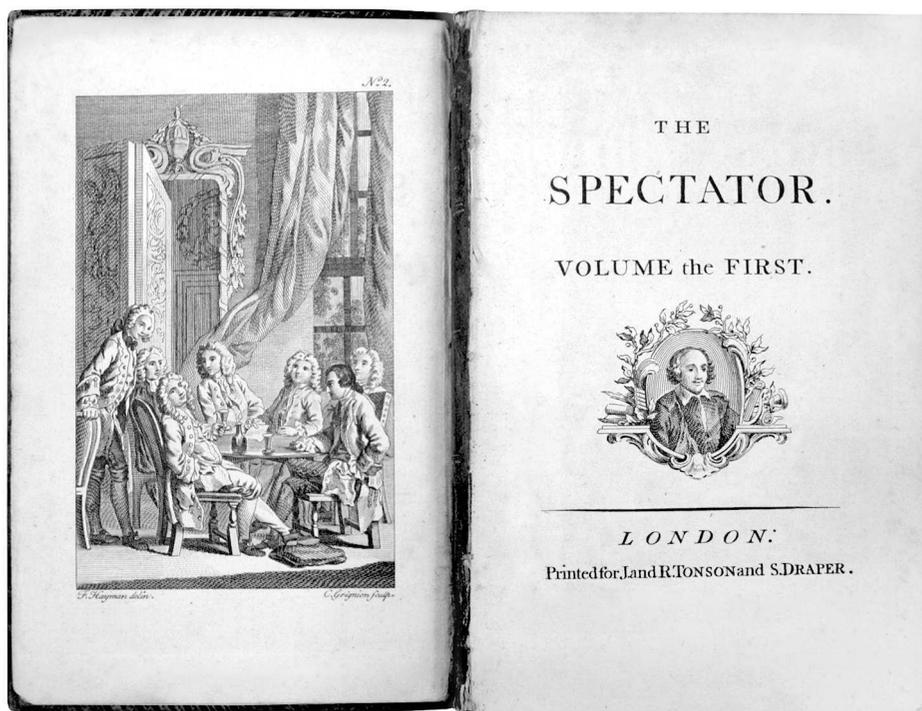
Английский писатель, баптистский проповедник. Его роман «Путешествие Пилигрима из Этого Мира в Тот, Который Должен Прийти» («The Pilgrim's Progress from This World to That Which Is

to Come»), известный также под названиями «Путь паломника» или «Путешествие пилигрима», считается одним из самых значительных произведений английской религиозной литературы.

ему. Коллинз выслал свой ответ, а я на это — свой. Мы отправили друг другу по три-четыре письма к тому времени, когда моему отцу попались на глаза эти бумаги и он прочел их. Не вмешиваясь в дискуссию, он нашел возможность поговорить со мной о манере моего письма, заметив, что, несмотря на преимущество перед своим соперником в споре в орфографии и пунктуации (чему я был обязан работе в типографии), мне не хватало изящества выражений, последовательности и ясности речи, в чем отец убедил меня на нескольких примерах. Я нашел его замечания справедливыми, и потому стал уделять больше внимания слогу, стараясь его улучшить.

Примерно в это время мне в руки попал один из выпусков «Зрителя»* — третий. Я никогда не сталкивался ни с одним из них раньше. Купив его и прочитав от корки до корки, я остался чрезвычайно доволен. Слог показался мне великолепным, и я захотел подражать ему, насколько это будет возможно. С этим намерением я выбрал некоторые из статей, законспектировал вкратце смысл каждого предложения и через несколько дней, не подглядывая в журнал,

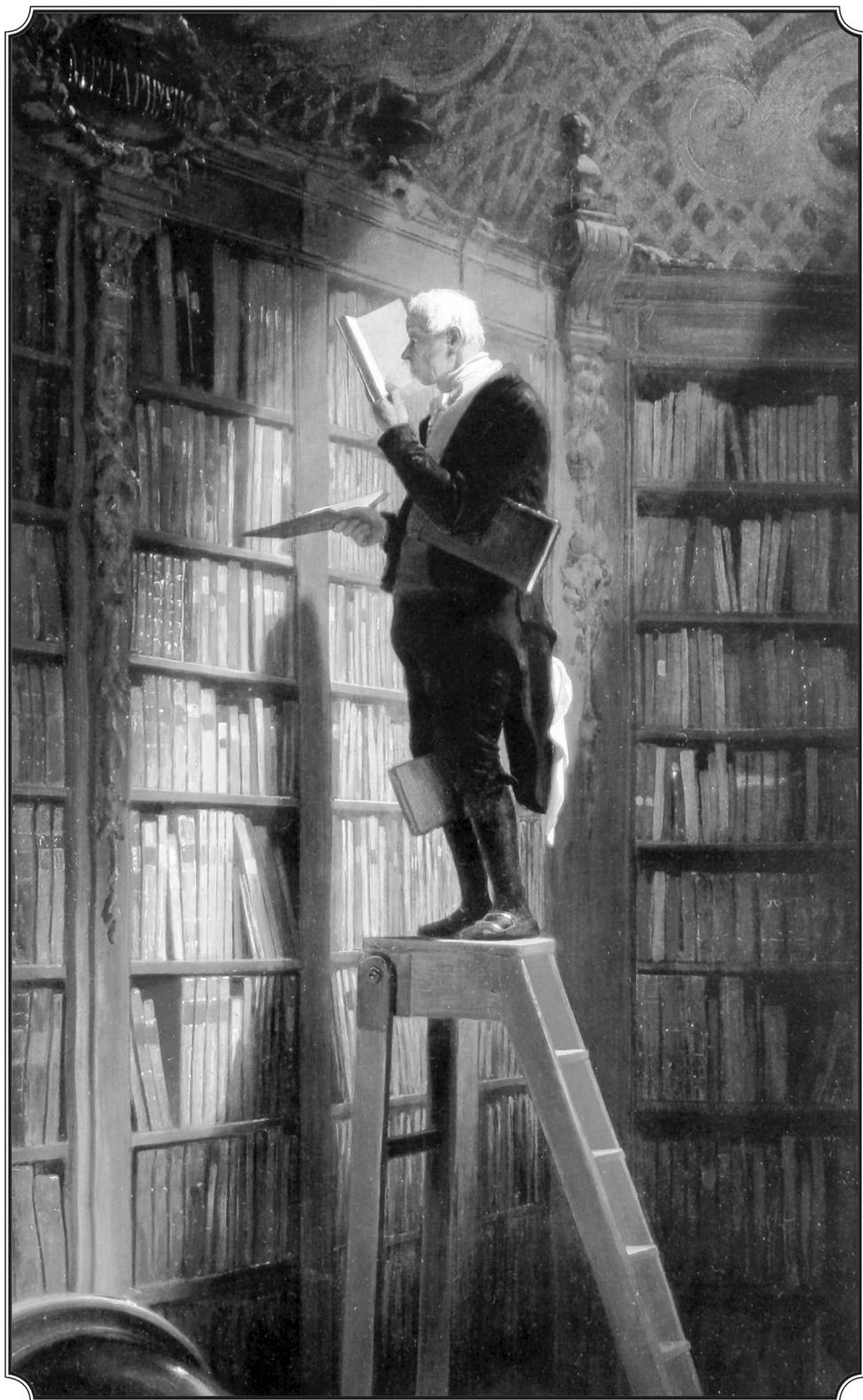
* «Зритель» («The Spectator») — еженедельник, с 1711 г. издававшийся в Лондоне английским поэтом и драматургом Джозефом Аддисоном и ирландским политиком и писателем Ричардом Стилом.

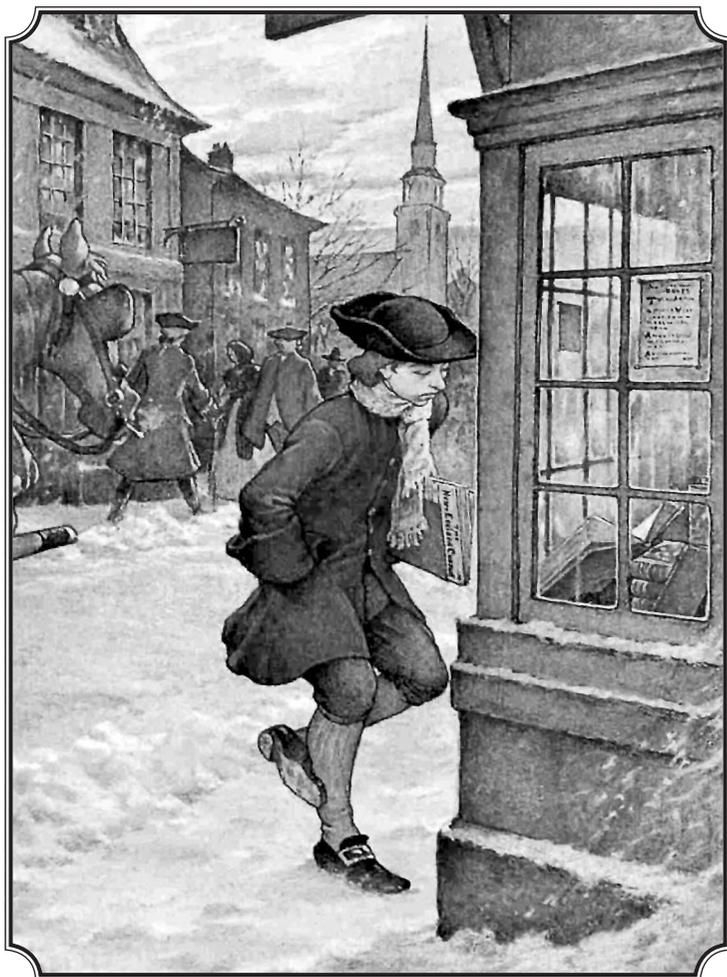
Титульный лист еженедельника «Спектейтор».

1788 г.

попытался восстановить статьи, развернув каждое предложение заново в его прежней полноте, подбирая слова, которые покажутся мне уместными. Тогда я сравнил моего «Зрителя» с оригиналом, обнаружил несколько ошибок и исправил их. Но я открыл для себя желание обладать большим запасом слов либо же лучшей способностью с ними управляться; эти навыки, по моему мнению, я мог бы приобрести, если бы продолжал сочинять стихи; ибо необходимость постоянно припоминать слова одного значения, но разной длины — для того, чтобы соблюсти размер, — или различного звучания — ради рифмы — вынудила бы меня к непрерывному поиску разнообразия в словах и побудила бы к их запоминанию и лучшему ими овладению. И потому я взял несколько историй и переложил их в стихи, а через время, когда исходный текст уже порядком подзабылся, вновь придал им прозаическую форму. Время от времени я тасовал свои конспекты, чтобы спустя несколько недель попытаться привести их в правильный порядок, прежде чем сформулировать полные предложения и завершить статью. Все это учило меня методично упорядочивать свои мысли. Сравнивая свою работу с оригиналом, я обнаруживал множество ошибок и исправлял их, но порою с удовольствием воображал себе, что иногда мне удалось улучшить язык оригинала, и это позволяло мне считать, что со временем я мог бы стать сносным английским писателем, к чему я был чрезвычайно устремлен. За этими упражнениями и чтением я проводил ночи после работы либо до ее начала по утрам или же те воскресенья, когда мне удавалось остаться в типографии одному, огромными усилиями уклонившись от обычного посещения общественного богослужения, чего от меня регулярно требовал отец, пока я был на его попечении, и которое я и вправду считал своей обязанностью, хотя и не мог, как мне казалось, найти время для ее исполнения.

Карл Шницвег. Книжный червь.
1850 г.

**Элмер Бойд Смит. Юный Бенджамин Франклин
разносит газету «Нью Инглэнд курант».**
1916 г.

Около 16 лет от роду мне в руки попала книга, написанная неким Трайоном, который проповедовал овощную диету. Я принял решение ей следовать. Мой брат, будучи холостым, не содержал собственного дома, а нанимал со своими учениками комнаты у другой семьи. Мой отказ от ядения плоти вызывал всеобщее беспокойство, и меня частенько упрекали за мое чудачество. Я выучил несколько Трайоновых рецептов приготовления блюд, например, как сварить картофель с рисом, как наскоро приготовить пудинг, еще кое-что, и предложил брату выдавать мне половину денег, которые он тратит на мое питание, чтобы я мог готовить себе сам. Он сразу же согласился, а я вскоре обнаружил, что у меня остается половина от того, что я получал от брата. Эти деньги стали дополнительным источником средств для покупки книг. Но я имел и еще одну выгоду. Мой брат и все остальные уходили из типографии на обед, а я оставался там один и, быстро разделавшись с моей легкой закуской, состоявшей часто всего лишь из сухаря или ломтя хлеба, горсти изюма или пирожка из кондитерской и стакана воды, мог распоряжаться остатком времени до прихода остальных для того, чтобы учиться, в каком-то занятии преуспевал, благодаря чрезвычайной

ясности головы и быстрейшему соображению, которые обыкновенно бывают отвлечены на еду и питье.

Помимо того, будучи как-то пристыжен за мое плохое знание математики, которую я дважды провалил в школе, я взялся за учебник арифметики Кокера и прошел его самостоятельно от начала до конца с превеликой легкостью. Еще я читал учебники по навигации Селлера и Шерми и из них почерпнул некоторые сведения по геометрии, но далее в этой науке не продвинулся. А еще в это время я прочел «О человеческом разумении» Локка и «Искусство мыслить» господ из Пор-Рояля*.

Поскольку я был намерен совершенствовать свой язык, то познакомился с английской грамматикой, кажется, по Гринвуду — в конце учебника были два очерка об искусстве риторики и о логике, последний же завершал пример сократического метода** в ведении диспута; а вскоре я раздобыл Ксенофоновы «Воспоминания о Сократе», содержащие множество образцов этого метода. Я был очарован им и, освоив, теперь уже забросил внезапные возражения и положительные доводы, но занял, вместо этого, позицию скромного, во всем сомневающегося вопрошателя. А потом, по прочтении Шефстсбери и Коллинза, я и вовсе стал скептиком по ряду вопросов в нашем религиозном учении, решив, что этот метод наиболее всего безопасен для меня и затруднителен для тех, против кого направлен; а потому я наслаждался им и, пользуясь постоянно, научился чрезвычайно искусно вынуждать людей, даже тех, кто знает больше меня, идти на уступки, последствий которых они не могли предвидеть, запутывать их в подробностях, из которых у них не получится выбраться, и одерживать подобным образом победы, коих, бывало, ни я, ни моя точка зрения не заслуживали. Я практиковал этот метод в течение нескольких лет, но постепенно оставил его, сохранив лишь привычку высказываться скромно и не выражать ни в чем уверенности, никогда не произносить слов «определенно», «несомненно» и любых иных, если только они могли придать моему мнению окраску позитивности, — напротив, я говорил: «по моему разумению», «я полагаю, что дело обстоит так-то и так-то», «так мне кажется», или «мне бы следовало считать так-то по таким-то и таким-то причинам»; или «я бы предположил то-то», или «это может быть так, если я не ошибаюсь». Думаю, эта привычка была мне очень полезна в тех случаях, когда мне доводилось кого-либо в чем-нибудь убеждать и прививать другим идеи, которые я время от времени брался распространять. Ведь главнейшие цели беседы — это сообщить что-то или получить сообщение о чем-то, ощутить удовольствие или убедить кого-то, и было бы хорошо, если бы никто из здравомыслящих, понимающих людей не преуменьшал своей способности к добрым делам заносчивой или утвердительной манерой речи, которая отталкивает большинство людей, ведет к противостоянию между ними и мешает всему тому, ради чего нам была дарована речь: познавать, делиться сведениями или удовольствием. Ибо, если

* Имеется в виду «Логика Пор-Рояля» (фр. «Logique de Port-Royal») — сочинение аббатов французского монастыря Пор-Рояль Антуана Арно и Пьера Николая, увидевшее свет в 1660-х гг.

** Сократический метод — способ обучения, при котором преподаватель последовательными вопросами направляет ученика на те выводы, которые можно сделать из ранее усвоенных положений.

ты сообщишь что-нибудь в категоричной утвердительной манере, твоей точке зрения могут начать противоречить и не воспримут ее с должным вниманием. А если ты хочешь о чем-нибудь узнать и получить какие-то сведения от других и в то же самое время выражаешься совершенно убежденно, люди взвешенные и благоразумные, к спорам не расположенные, могут посчитать, что лучше тебе оставаться в неведении касательно твоей ошибки. Вряд ли подобной манерой ты вызовешь у своих слушателей удовольствие или сможешь убедить тех, чьего согласия ты ищешь. Как разумно замечает Поуп:

Пусть учит, но при том не поучает,
О неизвестном говорит, как о забытом,—
И далее рекомендует:
Пускай скромнее говорит о том, что знает.

Эту строку он мог бы срифмовать с другой, более, как мне кажется, подходящей, нежели та, с которой она соседствует в поэме:

Ведь там, где мало скромности,— рассудка не хватает.

И если меня спросят, почему оригинальная рифма менее уместна, я процитирую ее:

Нескромным никогда прощенья не бывает,
Ведь там, где мало скромности,— рассудка не хватает.

Ведь разве нехватка рассудка (кто такого себе пожелает?) не оправдывает до некоторой степени недостаточной скромности? Разве не справедливей звучали бы эти строки так:

Нескромным оттого прощенье лишь бывает,
Что там, где мало скромности,— рассудка не хватает.

Впрочем, оставляю судить об этом вопросе тем, кто разбирается в нем лучше меня.

В 1720 или 1721 году мой брат начал издавать газету. Это была вторая газета в Америке, и называлась она «Нью Инглэнд курант». Единственной ее предшественница была «Бостон Ньюслеттер». Я помню, как друзья брата отговаривали его от этого предприятия, как от заведомо безуспешного: одной газеты, по их суждению, для Америки было уже достаточно. К настоящему времени (1771 г.) их уже не менее двадцати пяти. Брат от своей задумки, однако, не отказался, и теперь у меня появилась новая работа: набрав тексты и отпечатав листы, я отправлялся на улицу разносить газеты покупателям.

Среди друзей брата было несколько людей блестящего ума, которые удовольствия ради писали для газеты маленькие статейки, повышая ее престиж и востребованность; эти люди часто бывали у нас. Я слышал их разговоры,

Как установили историки, газета «Нью Инглэнд курант» («New England Courant») была не второй по счету, как утверждает Бенджамин Франклин, а четвертой или пятой газетой в Америке, что, однако, не умаляет ее влияния на развитие периодической печати в Но-

вом Свете. Первый ее номер увидел свет 7 августа 1721 г. «Курант» стал первым в Америке периодическим изданием, печатавшим на своих страницах литературные и юмористические рассказы. Газета просуществовала без малого пять лет, до июня 1726 г.

[N° 27]

THE New-England Courant.

From MONDAY January 29. to MONDAY February 5. 1722.

Aliud est maledicere, aliud accusare. Cic.

JUDICIOUS Author observes, That there is nothing in which Men more deceive themselves than in wharthe World call Zeal. There are so many Passions which hide themselves under it, and so many Mischiefs arising from it, that some have gone so far as to say, it would have been for the benefit of Mankind, if it had never been reckoned in the Catalogue of Virtues. The fatal Effects of Zeal among our Selves, has almost perwaded me to be of this Opinion. A furious pretended Zeal, which only regards Matters of Opinion, has been improv'd against my self with a Design to destroy my Reparation and Interest amongst those who are Strangers to my Person: And that this Design might be the better carried on, some Persons have been so *undutiful* to the Reverend Dr. Increase Mather, as to perwade him to prefix his Name to an Advertisement in the last Weeks *News-Letter* and *Gazette*, wherain the mildest Appellation I meet with, is that of a wicked and cur'd Maligner in the Country, and in order to clear my self I shall first give an Account of the first Cause of the Difference between us.

The Week before the *Courant* of Jan. 1. came out, a Grandson of Dr. Increase Mather brought me the following Account of the Success of Inoculation in London,

A Passage in the London Mercury, Sept. 16.
Great Numbers of Persons in the City and the Suburbs are under the Inoculation of the Small Pox. Among the rest, the eldest Son of a noble Duke in Hanover Square, had the Small Pox inoculated upon him.

This he said his Grandfather desir'd me to insert in my next, and affirm'd that he had transfer'd it himself, and that it was Word for Word with the Account in the *London Mercury*. About Noon on the Day that the *Courant* came out, I saw the Four first Pages of the *London Mercury* of Sept. 16. and found nothing in them, but that the *eldest Son of a noble Duke in Hanover Square, had the Small Pox inoculated upon him INCOGNITO*. Here our young Spark was detected in a downright Falshood, and lost his Credit with *Courants*; and I had great Reason too to believe that the first Part of the above Paragraph was not in the other Half-Sheet of the *Mercury*, because both Passages related to Inoculation, and might (no doubt) have been as well inserted together. The next Week I inserted a Letter in the *Courant*, which asserted, that the former Part of the Passage, viz. *Great Numbers of Persons in the City and the Suburbs are under the Inoculation of the Small Pox*, was not to be found in the *London Mercury* of that Date, but at the same time inform'd us, that there were some Accounts like it in a Weekly *Mercury*, which wanted Confirmation, and with the Addition of the Word *Inocognito*. So that tho' the Author of this Letter could not find the former Part of the above Passage in the *London Mercury*, yet his main Design was to show, that those who sent the said Passage to me, desir'd to impose on the Publick by leaving out the material Word *Inocognito*; and the Truth of this can be prov'd by many who have seen but the first Four Pages of the said *Mercury*. However, I am now inform'd by Gentlemen whom I dare believe, that the former Part of the said Passage is to be found in the last Half-Sheet of the *London Mercury* Sept. 16. so that I have been impos'd on by both Sides, and shall take Care for the future, not to insert any thing in the *Courant* upon the Word of another.

I come now to consider the Doctor's Advertisement; and shall first observe, that those who first took the Advantage of my Credulity to deceive the World, (by leaving out the Word *Inocognito*), are now call'd me a cur'd Libeller.

The Doctor first endeavours to clear himself of the Imputation of being one among the Supporters of the *Courant*, but at the same time acknowledges, that he had paid me for Two or Three of them. He might as well have said he had paid me for many more, as to have put me to the Trouble of

proving it. Whether he remembers it or no, his Grandson Biles, by his Order, desir'd me to set him down as a Customer some Time ago; but upon the Appearance of a Letter in the *Courant*, wherain a certain Clergyman was touch'd upon, he dropt it as a Subscriber, but sent his Grandson almost every Week he paid more for the Paper and was by which Method he paid more for the Paper and was more a Supporter of it, than if his Name had been continu'd in the List. At length, being weary with sending, he became a Subscriber again, and express'd no Dislike of the Paper till after Mr. *Musgrave* had publish'd his Grandson's Letter in the *Gazette* of Jan. 15. So that he both had and paid me for one Paper after that which he so much dislikes. The Truth of this I am ready to declare upon Oath, against the Testimony of all the Men in the Country. And that he has been a Subscriber, and consequently a Supporter of the Paper, the following Letter under his own Hand, will sufficiently prove.

Mr. *Franklin*,
I Had Thoughts of taking your *Courant* (upon Tryal) for a Quarter of a Year; but I shall not now. In one of your *Courants* you have said that if the *Ministers of God are for a Thing, it is a Sign it is from the Devil*, and have dealt very fairly about the *London Mercury*. For these and other Reasons, I shall NO MORE be concerned with you.
Your well wishing, but griev'd Friend,
I. Mather.

In the next Place he says, in one of his vile *Courants*, he insinuates, that if the *Ministers of God do approve of a Thing, it's a Sign it is of the Devil, which is a horrid Thing to be related*.

The Words in the *Courant* are in a Dialogue (by an unknown Hand) between a Clergyman and Layman, and are exactly as follows,

Cl. But I find, all the Rakes in Town are against Inoculation, and that induces me to believe it is a right Way.

Laym. Most of the Ministers are for it, and that induces me to think it is from the D—; for he often makes use of good Men as Instruments to obtunde his Delusions on the World.

The Doctor must know, that Satan once stood up against Israel, and provoked D. A. P. D. to number the People: *ff-ah*, his wicked General, was not so easily provok'd to this Evil: The King's Word was abominable to him. This is Doctrine which I have often heard from the Pulpit, and if I am condemn'd for publishing it, I may venture to say (in the Words of the Doctor's Grandson, that I have Company of which I need not be ashamed).

Again, *And altho' in one of the Courants it is declared, that the London Mercury Sept. 16. 1721. affirms, That Great Numbers of Persons in the City and Suburbs are under the Inoculation of the Small Pox; in his next Courant he asserts, That it was some busy Inoculator, that imposed on the Publick in saying so.*

I desire him to consider, that what I declared in one *Courant* was at his Desire, and what I asserted in the next was at the Instance of another; so that I am but a Publisher of what one declares and another asserts.

Then, (after telling us that he has read those Words in the *London Mercury*), he says, *And he doth frequently abuse the Ministers of Religion, and many other worthy Persons, in a Manner which is intollerable.*

One of these worthy Persons he hints at, has been since presented by the Grand Jury for cohabiting with a Woman as his Wife, who was never known to be so; and another has not yet been able to clear himself of the Charge against him.

Again, *I can well remember, when the Civil Government could have taken an effectual Course to suppress such a cur'd Libel.*

Here the Doctor calls the *Courant* a *cur'd Libel*, and yet tells us the Government cannot suppress it; by which he owns there is nothing in the Paper against Law, and plainly proves what he says to be a *cur'd causeless*, which shall not come.

Again he says, *I cannot but pity poor Franklin, who tho' but a young Man, is now speedily to must appear before the Judgment seat of GOD, &c.*

I shall make no other Answer to this, than, That there is no Man living which doeth good and fineth not, and that I expect and Hope to appear before God with safety in the Righteousness of Christ.

Иллюстрация из «Альманаха Бедного Ричарда»

наблюдал успех их публикаций, и мне не терпелось проверить себя на этом поприще. Однако я подозревал, что брат не разрешит мне, еще мальчишке, печатать что-либо в своей газете, если узнает, что это написал я; и потому я придумал, подделав почерк, написать статью анонимно и ночью подsunуть ее под дверь типографии. Утром статью нашли, а когда, как обычно, пришли друзья-сочинители — показали им. Они прочли ее и обсудили в моем присутствии, и я, испытав несказанное удовольствие, узнал, что статья одобрена, и среди многочисленных догадок, высказанных касательно личности автора, я услышал имена людей, известных остротой ума и образованностью. Теперь я считал, что с судьями мне везет и что они, возможно, и не так уж компетентны, как мне казалось прежде.

Ободренный, я написал и доставил подобным же способом еще несколько своих статей, которые также все были одобрены и напечатаны. Я хранил свой секрет до тех пор, пока небольшой набор тем, имевшихся у меня для такого рода сочинений, не иссяк. Открывшись, я завоевал некоторое уважение в глазах друзей брата, что ему, однако, не очень понравилось — по той, подозреваю, причине, что я, по его мнению, мог слишком возгордиться. Возможно, это было следствием проявления наших противоречий, обозначившихся к этому времени. Брат считал себя мастером, а меня — учеником, и рассчитывал, соответственно, получать от меня услуги, которых он ждал бы от любого другого ученика; я же полагал, что иные поручения для меня слишком унижительны, и ожидал большего снисхождения. Отец нередко оказывался свидетелем наших пререканий, и либо моя точка зрения была верней, либо я лучше защищал свою позицию, но, по моему представлению, отцовское мнение обыкновенно оставалось на моей стороне. Но брат был вспыльчив и часто лупил меня, что, естественно, мне совсем не нравилось; в целом, свое ученичество я считал чрезвычайно неприятным и постоянно искал возможности сократить его, пока неожиданным образом через некоторое время мне не представился такой случай.

Одна из статей в нашей газете, посвященная какому-то политическому вопросу, суть которого я уже позабыл, оказалась оскорбительной для Ассамблеи. Брата схватили, осудили и, по приказу спикера, посадили на месяц в тюрьму — по моему предположению, за то, что он отказался назвать имя автора. Меня тоже забрали и допросили перед Советом, но, хотя я ничего им не сообщил, ограничились предупреждениями и отпустили, посчитав, по-видимому, что я, как ученик, по обязательству храню тайны своего мастера.

Во время братова заточения, которым я был немало возмущен, несмотря на наши с ним разногласия, я руководил газетой и имел смелость сделать несколько выпадов по адресу правителей. Брат поддержал меня, но были и те, кто осудил разворот юного дарования в сторону сатиры и «клеветничества». При освобождении моего брата из тюрьмы Советом был издан указ (очень странный) о том, что «Джеймсу Франклину не следует более печатать газету под названием “Нью Инглэнд курант”».

Чтобы решить, как поступать в сложившихся обстоятельствах, в типографии устроили совещание. Кто-то предлагал уклониться от исполнения указа, поменяв название газеты, однако мой брат усмотрел в этом какие-то неудобства, и в конце концов было решено, что лучше всего издавать в дальнейшем газету от имени Бенджамина Франклина. А чтобы избежать преследований со стороны Ассамблеи, которая могла обвинить брата в том, что он продолжает издавать газету через своего ученика, было решено отдать мне мой старый договор об ученичестве, внося в него полностью освобождающие меня от моих обязанностей изменения, который я мог продемонстрировать при необходимости; но, ради сохранения за братом дохода от этой деятельности, мне полагалось на остаток срока подписать новый договор, который будет храниться в тайне. План был крайне ненадежный, однако исполнили его немедленно, и газета в течение нескольких месяцев издавалась от моего имени.

Бостонский порт. Гравюра. 1770-е гг.

Со временем между нами с братом возникло какое-то новое разногласие, и я воспользовался им, чтобы завоевать себе свободу, рассудив, что он не рискнет предъявить новый договор. С моей стороны было нечестно прибегать к этому своему преимуществу, и посему я считаю этот случай первой серьезной ошибкой в моей жизни, но тогда эта моя нечестность не казалась мне сколько-нибудь важной, пока я был под впечатлением от порывов его гнева, от которых мне слишком часто доставалось, хотя в других отношениях брат не был злым человеком — возможно, я тоже вел себя излишне вызывающе и дерзко.

Когда он узнал, что я хочу уйти, то позаботился о том, чтобы меня не взяли на работу в другие типографии, посетил каждого из мастеров и переговорил с ними, и они, соответственно, отказались дать мне работу. Тогда я подумал о том, что могу поехать в Нью-Йорк, ближайшее место, где была типография; я даже склонялся к мысли оставить Бостон, рассудив, что я уже заслужил неприязнь местных властей и по тому, как Ассамблея преследовала моего брата, было похоже, что, если я останусь, мне тоже будут грозить неприятности; кроме того, мои неосторожные высказывания о религии вызывали у добропорядочных граждан ужас перед таким безбожником и атеистом. Я принял решение, однако мой отец на этот раз встал на сторону брата; было ясно, что, если я стану действовать открыто, они найдут средство меня остановить. Мой друг Коллинз взялся мне помочь. Он договорился с капитаном шлюпа из Нью-Йорка, чтобы тот взял меня на борт, по знакомству. Продав кое-какие книги и выручив немного денег, я тихо пробрался на корабль и, поскольку ветер был попутный, уже через три дня оказался в Нью-Йорке, почти в 300 милях от дома, всего 17 лет от роду, безо всяких рекомендаций, никого вокруг не зная и практически без денег в кармане.

III

ПРИБЫТИЕ В ФИЛАДЕЛЬФИЮ

Моя тяга к морю к этому времени поослабла, в противном случае я имел бы возможность ее удовлетворить. Но, владея ремеслом и считая себя достойным уважения работником, я предложил свои услуги местному печатнику, пожилому мистеру Уильяму Брэдфорду, который был первым печатником в Пенсильвании, пока его не изгнали оттуда в результате ссоры с Джорджем Кейтом. Работы у него для меня не оказалось, ибо ее было мало, а недостатка в работниках не было, однако он сказал мне: «Мой сын в Филадельфии недавно лишился главного помощника. Его звали Акилла Роуз, и он умер. Если ты отправишься туда, я думаю, сын даст тебе работу». Филадельфия была в сотне миль, так что я нанял лодку до Эмбоя, а мой сундук с вещами последовал за мною морем.

В заливе нас настиг шквал, порвавший наши сгнившие паруса в клочья и помешавший нам пройти в Килл*; он отнес лодку к Лонг-Айленду. По дороге один из пассажиров, голландец, будучи пьяным, выпал за борт; я схватил его за волосы, когда его макушка показалась над водою, и, потянув, втащил обратно. От «купания» голландец немного протрезвел, а отправляясь спать, вытащил из кармана книгу, которую попросил высушить. Это оказалось сочинение давно любимого мною автора — издание «Пути паломника» Баньяна на голландском языке, прекрасно напечатанное, на хорошей бумаге с бронзовым тиснением, переплетенное лучше, нежели те английские, которые я встречал прежде. Я узнал в дальнейшем, что Баньян переведен на большинство европейских языков и пользуется успехом большим, чем любая другая книга, за исключением, наверное, Библии. Честный Джон был на моей памяти первым, кто смешал повествование и диалог — такая манера письма увлекает читателя, оказывающегося в самых интересных местах бы в компании героев, присутствуя при их беседе. Дефо в своем «Крузо», «Молль Флендерс», «Религиозном

* Очевидно, имеется в виду пролив Килл-ван-Кулл, соединяющий Стейтен-Айленд и Байонн (Нью-Джерси).

ухаживании», «Семейном наставнике» и других произведениях успешно подражает этому приему, равно как и Ричардсон в «Памеле»*.

Приблизившись к острову и обнаружив, что пристать нам негде, так как берег каменистый, а волна бьет очень сильно, мы бросили якорь и повернулись к берегу бортом. Вышли какие-то люди и начали что-то кричать, мы им кричали в ответ, но ветер и прибой мешали нам расслышать друг друга. На берегу виднелись лодки, мы подавали знаки и просили, чтобы нас забрали, но люди на берегу либо не поняли, либо сочли наше желание невыполнимым и ушли. Тем временем наступила ночь, нам не оставалось ничего, кроме как ждать, пока ветер переменится; мы с лодчиком решили поспать, если получится, и полезли в люк к еще мокрому голландцу, но, поскольку потоки ливня, стучавшего по крыше нашей лодки, просачивались и сквозь нее, мы скоро промокли не меньше. Так мы провели всю ночь, не сумев толком отдохнуть; а когда на следующий день ветер переменился, снова двинулись в путь, чтобы достичь Эмбоя до наступления ночи; к тому времени мы уже были на воде в течение тридцати часов, без

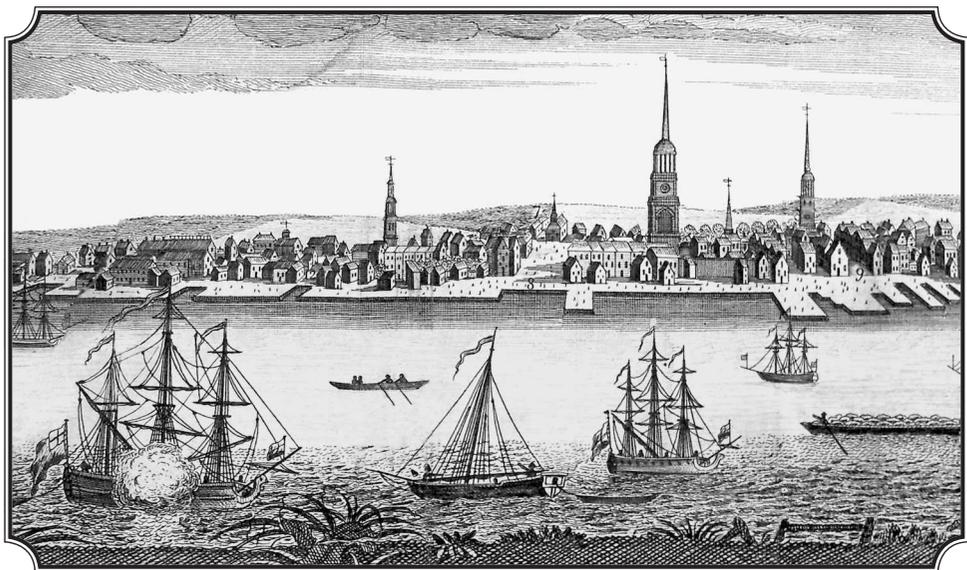

Элмер Бойд Смит.
Бенджамин Франклин под дождем.
1916 г.

провизии и питья, за исключением бутылки дешевого рома, и вода под нами была соленая. Вечером, отправляясь спать, я обнаружил, что у меня сильный жар, но так как я прочитал где-то, что при лихорадке полезно выпить много холодной воды, то последовал этому предписанию и ночью сильно вспотел. Лихорадка прошла, поэтому утром, переправившись на пароме, я продолжил свой путь пешком; нужно было пройти пятьдесят миль до Берлингтона, где, как мне сказали, можно найти лодки, которые довели бы меня до Филадельфии.

Весь день шел сильный дождь, я промок насквозь, и уже вечером, когда, порядком устав, остановился на ночлег в бедном постоялом дворе, я начал жалеть

* Сэмюэл Ричардсон (1689—1761) — английский писатель, один из родоначальников сентиментализма в литературе. Наибольшую известность ему принесли три романа: «Памела, или Вознагражденная добродетель» (1740), «Кларисса, или История юной барышни» (1748) и «История сэра Чарльза Грандисона» (1753).

Вид Филадельфии.
Гравюра. 1741 г.

о том, что не остался дома. Выглядел я настолько жалко, что меня заподозрили — как я понял из вопросов, которые мне задавали, — в том, что я беглый слуга, так что передо мною еще нависла угроза быть схваченным по этому обвинению. Однако на следующий день я беспрепятственно продолжил свой путь, добравшись к вечеру до постоялого двора, который был расположен в восьми — десяти милях от Берлингтона и владельцем которого был некий доктор Браун. Пока я восстанавливал силы, он завел со мной беседу и, поняв, что я кое-что читал, был со мной очень общителен и дружелюбен. Наше знакомство продолжалось до конца его дней. Он был, похоже, странствующим врачом, ибо не было такого английского города и европейской страны, о которых он бы не знал чего-нибудь особенного. Доктор Браун писал хотя и остроумно, однако определенно безбожно; одним из его произведений был безнравственный бурлеск на Библию, наподобие того, что Коттон сделал на Вергилия*, в котором он на множество фактов взглянул под таким нелепым углом, что мог бы совратить незрелые умы, если бы его сочинение опубликовали.

Я провел ночь в его доме, а следующим утром добрался до Берлингтона, но обнаружил, к моему огорчению, что лодки ушли незадолго до моего прибытия, следующие ожидаются не раньше вторника, а была лишь только суббота; потому я вернулся за советом к старушке, у которой перед этим купил пряников, чтобы перекусить на воде. Она пригласила меня остановиться в ее доме, пока не появятся лодки, и я, утомившись после своего пешеходного путешествия, принял ее приглашение. Узнав, что я печатник, она, не представляя себе, сколько оборудования нужно для этого, высказала пожелание, чтобы я занялся своим ремеслом в этом городе. Будучи чрезвычайно радушной, она гостеприимно накормила меня обедом из говяжьей щекловины, согласившись получить от меня взамен

* Имеются в виду бурлескные произведения английского поэта Чарльза Коттона (1630—1687).

лишь кружку эля, и я думал, что задержусь у нее до вторника. Однако вечером, прогуливаясь вдоль берега реки, я увидел причалившую лодку, которая, как я выяснил, собиралась везти пассажиров в Филадельфию. Меня взяли на борт; поскольку ветра не было, мы всю дорогу шли на веслах. К полуночи город еще не показался, так что некоторые были уверены, что мы его проехали, и отказались грести, в то время как другие вообще не понимали, где мы, и потому все решили повернуть к берегу. Наша лодка вошла в бухту и причалила возле старой изгороди, из перекладин которой мы развели костер, ибо дело было в октябре, когда ночи холодные. Мы оставались там до рассвета, пока один из нас не узнал в здешней местности бухту Купера, что в окрестностях Филадельфии, в чем мы убедились, едва выйдя из бухты, и прибыли в Филадельфию часов в восемь или девять утра в воскресенье, высадившись на причале Маркет-стрит.

Я описал свое путешествие и продолжаю рассказывать о первых порах в Филадельфии столь подробно, чтобы ты мог сравнить малообещающее начало с моей дальнейшей судьбой в этом городе. На мне была рабочая одежда, ибо костюмы получше находились в чемодане в пути по морю, и она была грязна с дороги, белье и носки лежали в карманах; я не знал вокруг ни души, к кому можно обратиться в поисках жилья. Утомленный путешествием и греблей, я хотел отдохнуть, будучи к тому же очень голоден; вся моя наличность на тот момент — один голландский доллар и примерно шиллинг серебром. Мелочь я отдал владельцам лодки за перевоз, хотя они поначалу отказывались, раз уж мне пришлось грести, но я все же настоял на своем. Те, у кого денег мало, иногда бывают щедрей богатых, возможно из боязни, что об их безденежье узнают.

Я отправился вдоль по улице, глядя по сторонам, пока не дошел до здания рынка, возле которого мне встретился мальчик-разносчик хлеба. Мне не раз

На улицах Филадельфии.

Гравюра. Вторая половина XVIII в.

приходилось питаться одним хлебом, так что я спросил, откуда он его забирает, и немедленно отправился на Вторую улицу к пекарю, заказал сухарей, рассчитывая получить такие, как были у нас в Бостоне; но в Филадельфии подобных, похоже, не делали. Когда я попросил батон за три пенни, мне ответили, что такого у них тоже не бывает. Тогда, не зная и не понимая ни дешевизны филадельфийских цен, ни наименований сортов здешнего хлеба, я предложил продать мне любой на три пенни и, соответственно, получил три большие пышные булки. Я был удивлен количеству, но взял их и отправился дальше, засунув по булке под каждую руку, поскольку в карманах моих места уже не оставалось, а третью принялся есть. Я двинулся дальше по Маркет-стрит и дошел до Четвертой улицы, пройдя мимо двери дома, где жил мистер Рид, отец моей будущей жены; когда она увидела меня сквозь дверной проем, то подумала, причем совершенно справедливо, что выгляжу я чрезвычайно нелепо и неуклюже. Потом я повернул и спустился по Чеснат-стрит и немного прошел по Уолнат-стрит, доедая по пути булку, и наконец завершил круг, оказавшись вновь на пристани Маркет-стрит, рядом с лодкой, на которой прибыл, — я возвратился, чтобы глотнуть речной воды, и, уже утолив голод, оставшиеся две булки отдал женщине с ребенком, которые приехали в одной лодке со мной, а теперь ожидали следующей для продолжения своего пути.

Подкрепившись, я опять направился вверх по улице, на которую к этому времени вышло множество хорошо одетых людей, направлявшихся в одну сторону. Я присоединился к ним и через некоторое время оказался неподалеку от рынка в большом молельном доме квакеров. Я сел среди них, осмотрелся, мне никто ничего не сказал, и я, осевший от усталости, поскольку прошедшей ночью сна мне не достало, очень быстро уснул, проспав до самого конца собрания, когда кто-то не оказался столь добр, чтобы разбудить меня. Это был первый дом, приютивший меня в Филадельфии.

Выйдя опять к реке, я начал вглядываться в лица прохожих и заметил молодого квакера, чье лицо мне понравилось; поприветствовав его, я спросил, не знает ли он, где бы приезжий мог найти в этом городе приют. В этот момент мы стояли под вывеской «Три мореплавателя». Он ответил: «Здесь как раз принимают на ночлег, однако это место несолидно. Если соблаговолите пройти со мной, я покажу лучшее». Он привел меня в «Кривое пристанище» на Уотер-стрит. Здесь я пообедал, и, пока ел, мне успели задать несколько коварных вопросов, не сбежал ли я откуда, поскольку моя юность и состояние одежды могли натолкнуть на подобные подозрения.

После обеда ко мне вернулась сонливость, и, когда показали мою комнату, я лег не раздеваясь и проспал до шести часов вечера, когда позвали к ужину, после которого я вернулся в постель очень рано и крепко заснул до следующего утра. Я постарался придать себе насколько возможно приличный вид, направляясь к Эндрю Брэдфорду, печатнику. В лавке я встретил его старого отца, с которым виделся в Нью-Йорке и который приехал сюда верхом прежде меня. Он представил меня своему сыну; тот любезно меня принял, накормил завтраком, но сообщил, что в настоящее время не нуждается в помощнике, ибо уже нашел такового. Однако в городе, по его словам, есть еще один печатник, некий Каймер, он открыл свое дело недавно и, возможно, захочет дать мне работу; а если и он откажется, то для меня все же найдется место в доме и мне дадут какие-то небольшие поручения, пока не обнаружится более серьезных деловых предложений.

Молодой Франклин в типографии.

Гравюра. XIX в.

Пожилой джентльмен высказал желание отвести меня к новому печатнику и, когда мы добрались до места, Брэдфорд сказал ему: «Сосед, я привел к вам юношу твоей профессии, быть может, вы заинтересуетесь?» Мне задали несколько вопросов, вручили мне верстатку, чтобы посмотреть, как я работаю, а затем сообщили, что меня скоро возьмут на работу, но пока делать мне будет нечего. Мистер Каймер никогда прежде не встречался со старым Брэдфордом, но, увидев в нем доброжелательно настроенного соседа, завел с ним беседу о своих начинаниях и видах на будущее; между тем как Брэдфорд, не открываясь, что он отец другого печатника, узнал о намерении Каймера сосредоточить печатное дело в городе в своих руках, совершенно искусно и не вызывая ни малейших сомнений расспросил своего коллегу обо всех его интересах и планах и обо всех деталях его предприятия. Я, присутствуя при том и будучи свидетелем всего разговора, немедленно сделал вывод, что один из собеседников — старый опытный софист, в то время как другой — скорее новичок в искусстве диалога. Брэдфорд оставил меня с Каймером, который немало удивился, когда я сообщил ему, кто этот старик.

Типография Каймера, как выяснилось, оснащена была старым расколовшимся прессом и одним мелким и изношенным набором английских литер, который владелец как раз использовал, набирая «Элегию к Акилле Роузу», посвящение ранее упомянутому мною талантливому юноше, обладавшему превосходным ха-

рактором, чрезвычайно уважаемому в городе секретарю Ассамблеи и к тому же поэту. Каймер также писал стихи, но весьма посредственные. Он не столько сочинял их, сколько набирал на ходу, что приходило в голову. И поскольку рукописи не было, касс* с литерами всего две, а для «Элегии» требовались, похоже, все буквы, дело у Каймера шло не очень. Я попробовал привести пресс (который не использовался, потому что Каймер ничего не понимал в нем) в рабочее состояние и, пообещав прийти и отпечатать «Элегию», как только она будет готова, вернулся к Брэдфордам, обеспечившим меня занятием, куда я жил и столовался у них. Вскоре Каймер послал за мной, чтобы я отпечатал «Элегию». На этот раз у него оказалась еще одна пара касс и памфлет для перепечатки, над которым мне было предложено поработать.

Оба печатника, как я обнаружил, были плохо знакомы со своим ремеслом. Брэдфорд не учился ему и был безграмотен, а Каймер, хоть и ученый в своем роде, был скорее наборщиком, мало знавшим о печати. Он напоминал «французских пророков»** и умел впасть в иступленную агитацию на их манер. На тот момент он не исповедовал никакой определенной религии, скорее каждую по случаю, о жизни знал мало и был, как я впоследствии обнаружил, плауоват. Ему не нравилось, что я живу у Брэдфордов, между тем как работаю у него. На самом деле у Каймера был дом, но необставленный, так что поселиться у него было невозможно. Однако он нашел мне жилье у того самого мистера Рида, которого я упомянул ранее; мой сундук с вещами к тому времени уже прибыл, так что я предстал перед очами мисс Рид в виде более приличном, нежели в тот раз, когда ей довелось впервые увидеть меня поедающим булку на улице.

Я начал заводить знакомства с городской молодежью, в среде которой оказались любители чтения, с ними я славно проводил свои вечера. Благодаря моему трудолюбию и бережливости у меня появились деньги, так что жизнь моя была вполне приятна; о Бостоне я, как мог, старался позабыть и не хотел, чтобы кто-нибудь оттуда узнал, где я сейчас, кроме одного лишь моего друга Коллинза, с которым мы начали тайно переписываться. Однако затем произошло событие, вынудившее меня вернуться домой ранее, чем я намеревался. Мой шурин, Роберт Холмс, возил на своем шлюпе товары между Бостоном и Делавэром. Будучи в Ньюкасле, в сорока милях от Филадельфии, он как-то узнал обо мне и отправил мне письмо, в котором рассказал, как мои друзья в Бостоне обеспокоены моим внезапным исчезновением, уверял, что все ко мне прекрасно относятся и, в случае моего возвращения, к которому он искренне призывал меня, все устроится по моему желанию. Я ответил на его письмо, поблагодарил за совет, но между прочим во всей полноте изложил причины, по которым покинул Бостон, с целью убедить его в том, что я не столь уж неправ, как он предполагал.

* Касса для литер состояла из двух секций: в верхней держали заглавные буквы, а в нижней — строчные.

** «Французские пророки» — этим прозвищем называли протестантов из Южной Франции, преследуемых за свои убеждения при Людовике XIV. Считалось, что эти люди обладают даром пророчества.

IV

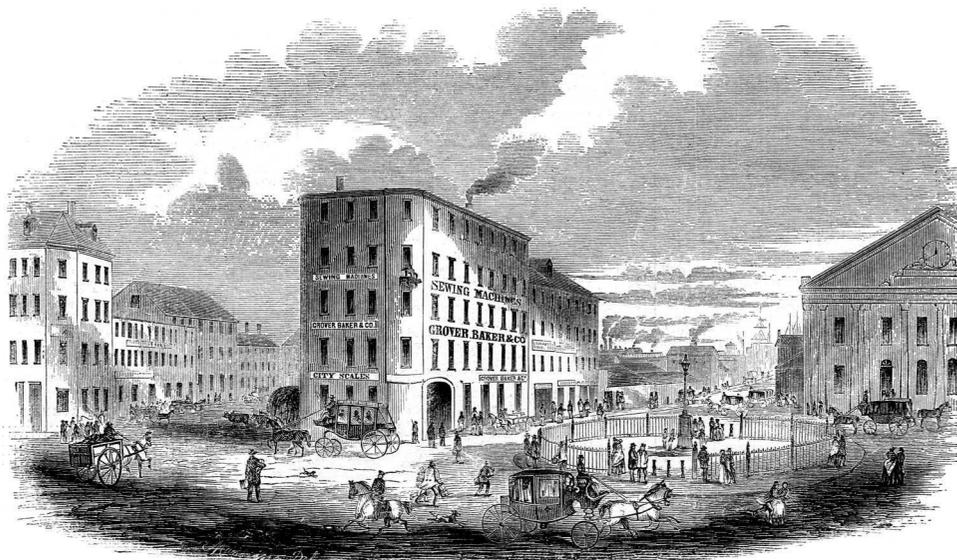
ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В БОСТОН

Сэр Уильям Кейт, губернатор провинции, находился тогда в Ньюкасле, и капитан Холмс поговорил с ним о моей судьбе и показал письмо. Губернатор прочитал его и удивился, узнав, сколько мне лет. Он сказал, что я произвожу впечатление юноши с многообещающим будущим и потому заслуживаю поощрения. Печатники в Филадельфии негодные, и если я обоснуюсь здесь, то меня, безо всякого сомнения, ожидает успех. Со своей стороны, губернатор пообещал обеспечить меня заказами и сделать для меня все, что в его власти. Все это шурин рассказал мне впоследствии в Бостоне, а пока я ни о чем не подозревал. И вот однажды, когда Каймер и я работали вместе в типографии напротив окна, мы увидели, как губернатор с еще одним джентльменом (которым оказался полковник Френч из Ньюкасла), превосходно одетые, пересекли улицу по направлению к нашему дому и постучали в дверь.

Каймер бросился открывать, подумав, что это к нему, но губернатор спросил меня, вошел и с довольно непривычной мне обходительностью осыпал меня любезностями, высказал желание познакомиться, доброжелательно пожурил за то, что я не явился к нему, как только оказался в городе, и изъявил желание, чтобы я пошел вместе с ним в таверну, куда, по его словам, они с полковником Френчем направлялись отведать прекрасной мадеры. Я был до немалой степени удивлен, а Каймер и подавно. Тем не менее мы направились с губернатором и полковником Френчем в таверну на углу Третьей улицы, где за мадерой мне было предложено открыть свое дело. Перечислив основания для моего успеха, губернатор и полковник заверили меня, что употребят свое влияние и авторитет, чтобы обеспечить меня заказами от обоих правительств*. На мои сомнения насчет того, согласится ли мой отец помочь, сэр Уильям ответил, что даст мне письмо, в котором опишет все выгоды этого дела, и, по его уверению, это должно убедить отца. Так было решено, что мне следует вернуться в Бостон первым же судном с рекомендательным письмом от губернатора к моему отцу. Между тем это намерение держалось в тайне, и я продолжал, как обычно, работать у Каймера, а губернатор время от времени присылал приглашения

* Т. е. правительств Пенсильвании и Делавэра.

Площадь Хаймаркет в Бостоне.

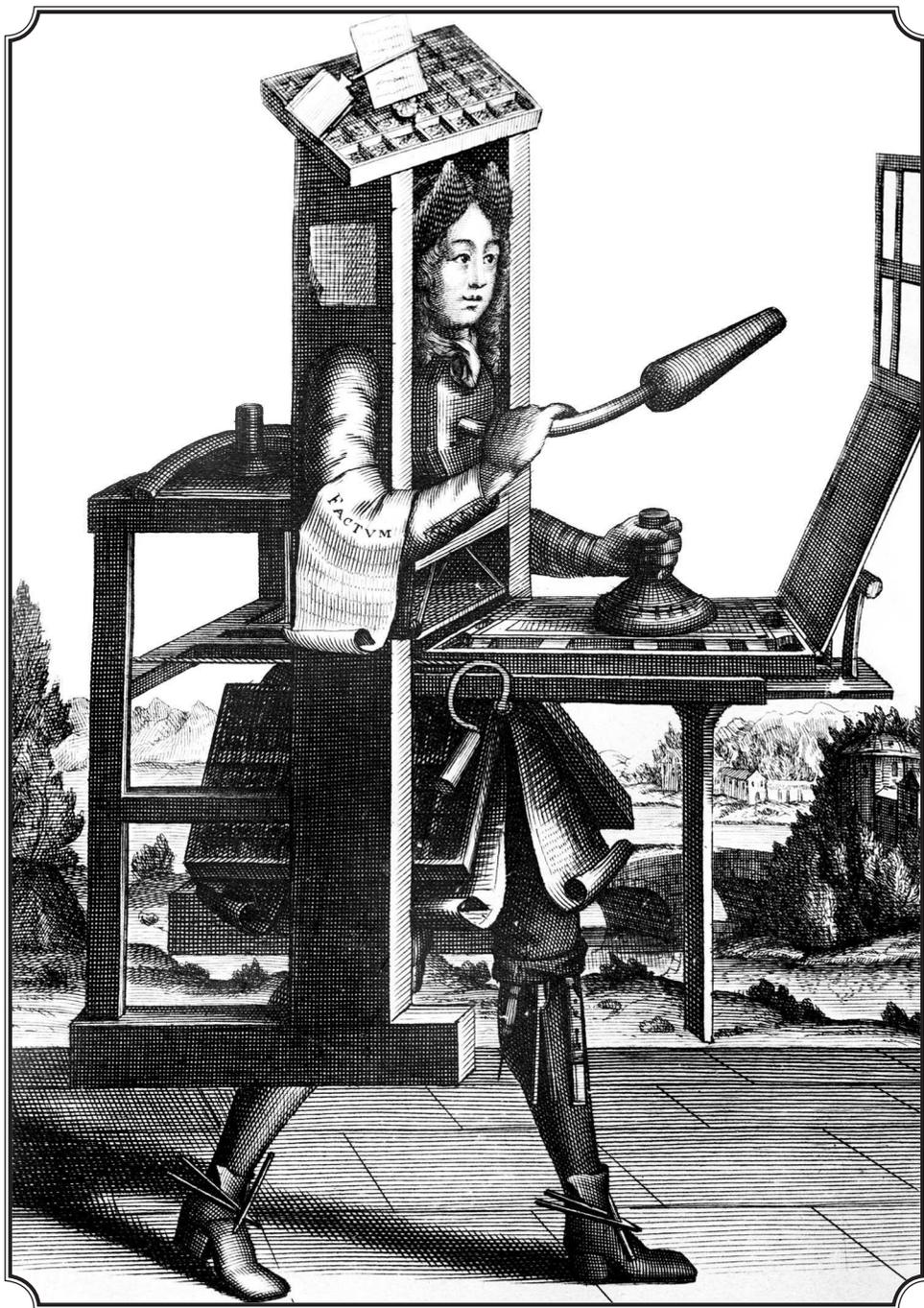
Гравюра. XVIII в.

с ним отобедать, каковые я почитал за великую честь, и за обедами беседовал со мной в самой обходительной, доброжелательной и дружественной манере, какую только можно себе представить.

В конце апреля 1724 года небольшое судно должно было отправиться в Бостон. Я отпросился у Каймера, сказав, что хочу повидать своих друзей. Губернатор дал мне пространное письмо к моему отцу, чрезвычайно лестное по отношению ко мне, в котором рекомендовал открыть мое дело в Филадельфии, ибо это будет наилучшее обустройство моей судьбы. В заливе мы сели на мель и получили пробоину; в море нас застала буря, и мы были вынуждены выкачивать воду почти постоянно; я тоже принимал участие в этом. Тем не менее где-то через две недели мы прибыли в Бостон целыми и невредимыми. Меня не было здесь семь месяцев, и мои друзья ничего обо мне не знали, ибо мой шурин Холмс еще не возвратился и не писал обо мне. Мое неожиданное появление удивило семью, однако все были очень рады меня видеть и приняли радушно, за исключением моего брата. Я сходил в типографию повидать его. Одет я был лучше, чем в те времена, когда работал у него, — в новом благородном платье, при часах, карманы мои оттопыривались под тяжестью почти пяти фунтов стерлингов серебром. Он принял меня без особой искренности, оглядел с головы до пят и вернулся к своей работе.

Работники любопытствовали, где же я был, что это были за места и понравилось ли мне там. Я же отвечал, что мне понравилось чрезвычайно, что жил я там счастливо и имею твердое намерение туда вернуться. Один из них поинтересовался, какие там ходят деньги, тогда я набрал горсть серебра и рассыпал перед ними — зрелище было редкостным, наподобие кунсткамеры, ибо в Бостоне ходили бумажные деньги*. Тогда я воспользовался случаем предложить

* Монетных дворов в колониях в те времена не было, и потому монеты иностранной чеканки были для тех, кто родился в колониях, зрелищем диковинным.

Сатирический рисунок «Странствующий печатник».

Конец XVII в.

ко всеобщему обозрению свои часы и наконец (брат по-прежнему выглядел угрюмым и сердитым) вручил им испанский доллар на выпивку и удалился. Это мое посещение крайне обидело брата: когда моя мать спустя некоторое время заговорила с ним о примирении и о своем желании, чтобы отношения между нами опять стали добрыми и мы и дальше жили как братья, он ответил, что я так

оскорбил его при свидетелях, что он этого никогда не забудет и не простит. Здесь он, впрочем, ошибался.

Отец воспринял письмо от губернатора с заметным удивлением, но не стал ничего говорить мне, пока через несколько дней не вернулся капитан Холмс. Отец показал ему письмо и спросил, знаком ли он с Кейтом и что тот за человек, прибавив, что он, должно быть, не слишком осмотрителен, коль скоро считает, будто мальчику, которому до совершеннолетия еще три года, можно открывать свое дело. Холмс отстаивал проект как мог, но отец заявил, что это неуместно, и в конце концов прямо отказал. Он написал вежливое письмо сэру Уильяму, где поблагодарил его за любезно предложенное покровительство, но отказался помочь мне в заведении дела, ибо я, по его мнению, слишком молод, чтобы доверить мне управление столь важным предприятием, подготовка к которому может оказаться слишком дорогой.

Мой друг и компаньон Коллинз служил тогда на почте. Ему так понравился рассказ о моем новом местожительстве, что он тоже решил перебраться туда; но, пока я ожидал решения от моего отца, он выехал раньше меня посуху на Род-Айленд, а его книги, включавшие изрядное собрание трудов по математике и натурфилософии, остались, чтобы отправиться вместе со мной в Нью-Йорк, где, как предполагалось, он будет ждать меня.

Отец, хотя и не согласился с предложением сэра Уильяма, был, однако, доволен тем, что мне удалось приобрести благоприятную репутацию в глазах столь важной особы и я своим старанием и трудолюбием смог заработать за краткое время на красивый наряд. А потому, не рассчитывая на наше примирение с братом, он не стал возражать против моего возвращения в Филадельфию, порекомендовав мне вести себя достойно среди тамошних людей, стараться преумножать свои доходы и не писать клеветнических пасквилей, к чему, по его мнению, я был особо склонен. Еще он сказал мне, что если я буду трудиться прилежно и бережливо экономить, то к совершеннолетию смогу накопить достаточно средств, чтобы открыть свое дело, и что, если у меня будет сумма, близкая к необходимой, он может добавить недостающее. Не получив ничего более (кроме маленьких подарков в знак любви от него и от матери), я погрузился на судно до Нью-Йорка — на этот раз с родительского одобрения и благословения.

Шлюп следовал через Ньюпорт на Род-Айленде, где я посетил своего брата Джона, который женился и обосновался там несколько лет назад. Он встретил меня чрезвычайно ласково, ибо всегда любил меня. Его другу, по имени Вернон, полагалась в Филадельфии некоторая сумма, около тридцати пяти фунтов, Вернон высказал пожелание, чтобы я получил их для него и оставил у себя до его дальнейших распоряжений, вручив мне соответственный вексель. Это впоследствии принесло мне немалые неудобства.

В Ньюпорте мы взяли на борт пассажиров до Нью-Йорка, среди которых были две молодые женщины, компаньонки, и важная, благоразумного и степенного вида квакерша с сопровождающими ее особами. Я проявил готовность оказать ей какие-то небольшие любезности, чем произвел на нее хорошее впечатление и вызвал доброе к себе отношение. Заметив, что наше знакомство с двумя молодыми женщинами развивается с каждым днем и всячески ими поддерживается, она уединилась со мною и сказала так: «Юноша, я беспокоюсь о тебе, ибо нет с тобой друга рядом, и ты, похоже, мало знаешь об этом мире и о тех угрозах, что подстерегают молодого человека. Будь уверен, это дурные

женщины, я сужу об этом по их поступкам. И если ты не соблюдешь осторожно-сти, они доведут тебя до беды. Ты не знаешь их, и я советую тебе, по-дружески и ради твоего же блага, не водить с ними знакомства». Поскольку я поначалу не отнесся к ним столь же дурно, она рассказала о некоторых вещах, которые увидела и услышала, а я пропустил мимо своего внимания, и убедила в своей правоте. Я поблагодарил ее за добрый совет и пообещал последовать ему. Когда мы прибыли в Нью-Йорк, женщины сказали мне, где они живут, и пригласили зайти повидать их, но я не пошел и правильно сделал, ибо на следующий день капитан недосчитался серебряной ложки и кое-каких других вещей, пропавших из его каюты; когда он, зная, что это публичные женщины, получил судебный ордер на обыск их жилища и нашел пропавшее, воровок наказали. Поэтому я посчитал это спасение более важным для себя, нежели спасение от столкновения с рифом, на который мы чуть было не напоролись в море.

В Нью-Йорке мы встретились с моим другом Коллинзом, который прибыл немногим ранее меня. Мы были близки с детства и читали одни и те же книги, но у него было больше времени для чтения и учебы, нежели у меня, а другим его преимуществом был удивительный талант к математике, в которой он значительно меня превосходил. Пока мы жили в Бостоне, большую часть моего досуга я проводил с ним, в дальнейшем он стал парнем сдержанным и трудолюбивым, пользовался уважением нескольких клириков и других джентльменов, и в жизни, казалось, его ожидало славное будущее. Однако за время моего отсутствия он приобрел привычку пить бренди. Коллинз сообщил мне об этом сам, и от других я также слышал, что он напивался каждый день с момента своего приезда в Нью-Йорк и всячески чудил. К тому же он играл и проиграл все свои деньги, так что я был вынужден оплатить его долг за жилье и дорогу, а также покрывать его расходы в Филадельфии, что оказалось для меня исключительно неудобно.

Тогдашний губернатор Нью-Йорка, Бернет (сын епископа Бернета), узнал от капитана, что юноша, один из пассажиров, привез множество книг, и захотел встретиться со мной лично. Я был рад такому знакомству и взял бы с собой и Коллинза, но тот оказался пьян. Губернатор был очень любезен, показал мне свою библиотеку, чрезвычайно обширную, и мы беседовали на протяжении долгого времени о книгах и писателях. Это был уже второй губернатор, оказавший мне честь своим вниманием, что такому бедняку, как я, было очень приятно.

Мы продолжили наш путь в Филадельфию. По дороге я получил деньги Вернона, без которых нам бы вряд ли удалось завершить путешествие. Коллинз хотел найти работу в какой-нибудь конторе, однако, хоть он и имел рекомендации, ему везде отказывали, как только обнаруживали, по дыханию или поведению, его опьянение, а потому он жил и столовался вместе со мной и за мой счет. Зная, что у меня есть деньги, он постоянно одалживал у меня, обещая отдать, как только найдет работу. Со временем долг вырос настолько, что я начал тревожиться о том, что буду делать, если вдруг понадобится их вернуть.

Его пьянство продолжалось и время от времени становилось причиной наших ссор, ибо, выпив даже немного, он делался чрезвычайно раздражительным. Однажды, катаясь по Делавэру на лодке в компании других молодых людей, он отказался грести, когда пришла его очередь. «Везите меня домой», — заявил он. «Мы не повезем тебя», — ответил я. «Ты должен! — сказал мне Коллинз. — Ну и оставайся здесь на всю ночь, если тебе угодно». — «Давайте грести, какая разница?» — стали говорить остальные. Но я, обиженный на него из-за какого-